

ГОСУДАРСТВЕННЫЙ ВОЕННО-ИСТОРИЧЕСКИЙ
И ПРИРОДНЫЙ МУЗЕЙ-ЗАПОВЕДНИК «КУЛИКОВО ПОЛЕ»

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК

ИНСТИТУТ АРХЕОЛОГИИ

**ЛЕСНАЯ И ЛЕСОСТЕПНАЯ ЗОНЫ
ВОСТОЧНОЙ ЕВРОПЫ
В ЭПОХИ РИМСКИХ ВЛИЯНИЙ
И ВЕЛИКОГО ПЕРЕСЕЛЕНИЯ
НАРОДОВ**

Конференция 3

Тула, 2012

В. Г. Белевец

ПРОБЛЕМА ВЫДЕЛЕНИЯ ПАМЯТНИКОВ ПОЗДНЕЗАРУБИНЕЦКОГО КРУГА В БЕЛОРУССКОМ ПРИПЯТСКОМ ПОЛЕСЬЕ

В обширной дискуссии о путях формирования культур, отождествляемых с историческими славянами эпохи Великого переселения народов, уже около полувека присутствует тема развития древностей «зарубинецкой линии» на юге территории Республики Беларусь. Её обсуждение строится вокруг двух составляющих: вопроса о вкладе в генезис пражской культуры культурного наследия потомков населения зарубинецкой культуры, с одной стороны, а с другой — о роли в этих процессах населения круга культур восточноевропейской лесной зоны.

В белорусской археологии Л. Д. Поболем в 1970—1980-е гг. была сформирована теория об автохтонном развитии славянских древностей на юге территории Белоруссии: от культур бронзового века к милоградской и зарубинецкой, и далее через «поздний этап развития зарубинецкой культуры» (II—V вв.) — к культурам середины — второй половины I тыс. Рассматривая процесс формирования на территории Центральной Белоруссии культур середины I тыс., Л. Д. Поболь полагал, что продвижению в III—IV вв. «поздnezарубинецкого» населения в ареал штрихованной керамики и днепро-двинской культуры, предшествовал период распространения здесь влияния зарубинецкой культуры и формирование своеобразной «буферной» зоны на их пограничье [Поболь, 1970; 1974; 1983]. Теория Л. Д. Поболя была в целом критично встречена коллегами [Каспарова, Мачинский, Щукин, 1976; Митрофанов, 1986; Каспарова, 1989 С. 268—269; 2001; Медведев, 1999. С. 290]. Немаловажную роль в формировании этой позиции сыграло то обстоятельство, что исследователем лишь в минимальной степени были опубликованы источники к ключевой части этой теории — материалы «позднего этапа зарубинецкой культуры», что не позволяло рассматривать предложенные им построения предметно.

Последнюю четверть века общий тон в дискуссии о развитии памятников «зарубинецкой линии» в Восточной Европе в целом задают археологи двух научных сообществ, которые можно условно опре-

делить понятиями «петербургского» и «московско-киевского» кругов или, учитывая различия в методологической направленности, — исследовательских школ.

Во второй половине 1970-х — 1990-х гг. представителями петербургской школы, Д. А. Мачинским и М. Б. Щукиным, была сформулирована теория о сложении пражской культуры на основе памятников римского времени, ещё не открытых в пределах «волыно-полесского белого пятна». Отталкиваясь от анализа письменных источников, Д. А. Мачинский на протяжении 35 лет развивал идею о формировании исторических славян на основе населения южных окраин восточноевропейской лесной зоны, прежде всего — культуры поздней штрихованной керамики¹, отражающей по его мнению поздний этап существования и распад массива балто-славянских диалектов [Мачинский, Тиханова, 1976; Мачинский, 1976; 1981; 1989; 2009. С. 272—282; см. также: Булкин, 1983; Булкин, Герд, 1989; Лебедев, 1989]. Эти взгляды в значительной степени разделял М. Б. Щукин. Формулируя археологическую часть аргументации теории «волыно-полесского белого пятна», он полагал, что истоки формирования славянских народов эпохи Великого переселения народов были заложены на рубеже эр во взаимодействии двух «миров»: латенизированной зарубинецкой культуры, отождествляемой с историческими бастарнами, и общности культур восточноевропейской лесной зоны, прежде всего — КПШК [Щукин, 1976; 1986; 1987; 1988; 1989; 1994. С. 278—289; 1997; 2005. С. 68—69].

Если исследователи петербургской школы, опираясь на анализ письменных источников и широкий, панорамный обзор историко-культурных процессов на территории Восточной и Центральной Европы, развивали преимущественно концептуальную составляющую проблемы, то киевские и московские археологи концентрировались на источниковедческом её направлении: исследовании памятников, публикации материалов, их систематизации и интерпретации. Заслугой именно этого круга ар-

¹ Далее по тексту название этой культуры приводится в аббревиатурном сокращении — КПШК. О критериях её выделения из не расчленившейся ранее культуры штрихованной керамики см.: Егорейченко, 2006. С. 118—119.

хеологов являются наиболее значимые разработки 1980—2000-х гг. по памятникам I—IV вв. на территории юго-восточной Белоруссии. В Среднем Поднепровье и днепровском Левобережье были выделены памятники II в. типа Грини — Вовки, формирование которых связывается с посожской группой Кистени — Чечерск; памятники III—IV вв. белорусского Поднепровья и Подвинья, определявшиеся в белорусской археологии 1970—1980-х гг. понятием «позднего этапа зарубинецкой культуры» [Лоболь, 1970; 1974; 1983], были соотнесены с материалами киевской культуры и выделены в верхнеднепровский её вариант (типа Абидни), а также группу генетически связанных с ним памятников Днепро-Двинского междуречья: типа Узмень — Заозерье [Обломский, 1983; Терпиловский, 1894. С. 4, 46—47, 50, 58; Обломский, Терпиловский, 1991. С. 95—102; Терпиловский, Абашина, 1992; Максимов, Терпиловский, 1993. С. 106—108, 120—121; Обломский, 1993. С. 48—49; 1996; Лопатин, 2003; Терпиловский, 2004. С. 29—30, 49—50; Обломский, 2005; Лопатин, Фурасьев, 2007].

В 1980—1990 гг. эти выводы были в целом поддержаны белорусскими археологами [Вергей, 1987. С. 67—69; Мядзведзеў, 1999. С. 290, 296—298]. Им отчасти созвучна гипотеза С. Е. Рассадина об истоках формирования исторических славян в памятниках Посожья, сочетающих по его мнению, черты юхновской и зарубинецкой культур, и близких памятникам типа Почеп [Рассадин, 2008. С. 248—286]. Теория же о выделении предков славян VI в. из окраинного населения КПШК отвергается ведущими белорусскими исследователями этой культуры [Медведев, 1996. С. 10—11; Егорейченко, 1999. С. 157—158; 2006. С. 115—116].

Взгляды археологов, наиболее ярко представляющих московско-киевскую и петербургскую школы, расходятся, прежде всего в вопросе о роли потомков носителей зарубинецкой культуры и её наследия в формировании киевской культуры. Представители первой полагают, что население, оставившее памятники позднезарубинецкого типа и возникшей на их основе киевской культуры, составляли, «главным образом, близкие потомки зарубинецких племён» [Терпиловский, 2010. С. 12]. Исследователи петербургского круга рассматривают памятники середины I—II в. «зарубинецкой линии» развития, прежде всего, в контексте адаптации наследия зарубинецкой культуры населением окраин восточноевропейской лесной зоны, исходя из чего определяют их понятиями «потзарубинецкие памятники» и «горизонт Рахны — Лютеж — Почеп» [Щукин, 1986; 1994. С. 232—238; Лебедев, 1989]. М. Б. Щукин высказывал сомнения в правомерности отнесения памятников типа Кистени — Чечерск к зарубинецкой культуре, предлагая рассматривать её как «специфическое явление пограничной полосы между культурой штрихованной керамики и верхнеднепровским вариантом зарубинецкой» [Щукин, 1997. С. 138]. В своих работах он также последовательно проводил идею о том, что нарушение в развитии памятников Среднего Поднепровья и днепровского

Левобережья постепенно терявших на протяжении середины I—II в. элементы классической зарубинецкой культуры, было обусловлено притоком и активностью населения с северными, верхнеднепровскими традициями — типа Грини — Вовки и Абидни [Щукин, 1994. С. 236; 1997, С. 138].

Несмотря на эти расхождения, на мой взгляд, крайне важно то, что обе эти концепции базируются на общих посылах теоретического плана. В них анализ историко-культурных процессов опирается на понятия культурных моделей и кругов (см.: Терпиловский, 2004. С. 16), которые в современном их виде и применительно к европейскому Барбарикуму в целом наиболее полно были сформулированы К. Годловским и М. Б. Щукиным [Godłowski, 1976; 1979; 1999; Щукин, 1989а; 1994]. Развитие памятников «зарубинецкой линии» не рассматривалась как непосредственная, прямая, линейно заданная эволюция зарубинецкой культуры. Дискретность процесса связывается с взаимодействием различных групп носителей её традиций, в разной мере сохранивших и переработавших их в ходе миграций и взаимодействия с инокультурным окружением. На протяжении I—II вв. культура населения, образовавшего эти группы памятников, теряет черты круга латенизированных культур и, шире — культур, связанных с центральноевропейскими традициями, и к III в., с образованием киевской культуры, становится органичной частью общности культур восточноевропейской лесной зоны [Терпиловский, 1984. С. 58, 65; Щукин, 1986. С. 29—30; 1989. С. 59—61; 1994. С. 278—289; Лебедев, 1989. С. 107—109; Обломский, Терпиловский, 1991. С. 85—108; Обломский, 1993; Максимов, Терпиловский, 1993. С. 120—121].

Ныне можно констатировать, что десятилетия дискуссий, обмена идеями и развития исследований существенно сблизили позиции археологов, принадлежащих к этим двум научным кругам. Полевые работы последних лет выявили картину исключительно широкого распространения на юге лесной и лесостепной зон Восточной Европы памятников середины I—III в., объединённых элементами зарубинецкой культуры: от Западного Буга до Подонья. В настоящее время исследователи киевского и московского научных центров предлагают определять их общность понятием «позднезарубинецкий культурно-хронологический горизонт» [Обломский, 2010а. С. 6], что созвучно идеям М. Б. Щукина. Значительный круг исследователей минского, московского, киевского, петербургского научных центров сегодня также объединяет мнение о том, что ответы на ключевые вопросы по проблеме формирования пражской культуры следует искать в историко-культурном развитии земель Южной Белоруссии I—IV вв. [см.: Гавритухин 1997; 2003; 2005. С. 439; 2009. С. 10—12, 20—21; Вяргей, Трымер, 2003; Вяргей, 2004; Вергей, 2005; 2008; Гавритухин, Обломский, Лопатин, 2004; Терпиловский, 2004. С. 67—69; Фурасьев, 2009. С. 31—37].

Подводя итог обзору общей проблематики работы, следует заметить, что до недавнего времени дискуссия о развитии древностей «зарубинецкой линии» на землях Южной Белоруссии носила тео-

ретический характер поскольку памятники середины I—II в. здесь не были описаны. Ситуация постепенно меняется. С конца 1990-х гг. в Припятском Полесье и прилегающих регионах были выделены памятники, которые предлагается рассматривать в контексте материалов позднезарубинецкого культурного круга. Они ещё очень немногочисленны, объём полученных на них материалов скромнен, а культурная интерпретация этих памятников порой неоднозначна. Тем не менее обзор имеющихся материалов, а также идей, высказанных об их хронологии, культурной принадлежности, вероятных путях формирования и дальнейшей судьбе оставившего их населения, важен для определения отправных точек в дальнейшем развитии исследований.

К анализу материалов

До настоящего времени юг Республики Беларусь изучен очень неравномерно. В ряде регионов целенаправленные разведки и раскопки памятников I—II вв., а часто и железного века в целом не проводились. На мой взгляд, представление об объёме того, чего мы не знаем об археологии Южной Белоруссии I—IV вв., сегодня не менее важно, чем анализ имеющихся данных. Поэтому имеет смысл рассматривать интересующие нас материалы постзарубинецкого горизонта в контексте проблематики, специфичной для каждого из регионов, разделяя их на два блока: Припятское Полесье; междуречье Западного Буга и Немана.

Этот подход также обусловлен особенностями физической географии земель Южной Белоруссии. Большую их часть образует Припятское Полесье. В его центре находится обширная водно-аллювиальная низина с широкими террасовыми долинами и дюнными грядами, разделёнными густой сеткой водных токов, заливными лугами и болотами — Турово-Пинское Полесье. К северу и югу от Припяти здесь простираются обширные болотные массивы, такие как Выгонощанское и Ольманское болота. Но в широтном направлении в обе стороны от Центрального Полесья рельеф постепенно повышается, доля заболоченных земель сокращается, в них вклиниваются равнинные возвышенности — Мозырская гряда на востоке и Загородье на западе. Ещё далее к востоку типичные полесские ландшафты сменяются землями Приднепровской низменности, а на западе переходят в Прибужскую равнину [Дзяменцёў, 1975].

На протяжении всего периода заселения физическая география земель Южной Белоруссии обуславливала наличие здесь двух центров культурного притяжения: Поднепровье на востоке и междуречье Вислы и Немана на западе. Эта тенденция ярко проявляется в историко-культурном развитии региона на протяжении раннего железного века. С финала эпохи бронзы земли в бассейне р. Припять занимали носители милоградской культуры. С рубежа III—II вв. до н.э. с запада и юго-запада сюда продвигается население, инициировавшее процесс сложения зарубинецкой культуры, а с севера — носители культуры штрихованной керамики (см. карту 1).

Железный век на территории юго-западной Белоруссии в настоящее время изучен в меньшей степени. Тем не менее с определённой можно говорить о тяготении этого региона к центрально-европейской и прибалтийской культурным провинциям. С IV в. до н.э. земли Западного Полесья вошли в восточную периферию поморско-подклёшевой культуры. На рубеже III—II вв. до н.э. в Белорусском Побужье отмечаются отдельные комплексы, связанные с этапом формирования круга латенизированных культур [Belavies, 2001; Dańbrowska, 2004. S. 214]. В нижнем течении правых притоков Западного Буга — Пульвы и Лесной, выявлены памятники пшеворской культуры, относящиеся к раннеримскому времени [Andrzejowski, 2005. S. 22—23; Белявец, 2004б. С. 229].

В последние годы в междуречье Немана и Западного Буга всё более отчётливо проступает другой горизонт памятников раннего железного века — связанный с традициями культур восточноевропейско-прибалтийской лесной зоны [Andrzejowski, 1995. S. 44—46; Рyc. 2; Rusin, 1998a; 1998b; Белявец, 2004а; 2004б. С. 235—244; Krasnodębski, Olczak, 2002; Olczak, 2009; Karczewska, 2009]. В 2004 г. автором было предложено объединить их в группу памятников типа Сураж — Тростяница [Белявец, 2004б. С. 236—244, 256]. Ряд особенностей керамического комплекса позволяет говорить о вероятной генетической связи и параллелях в развитии этих памятников с КПШК. Вместе с тем они не могут включаться в состав последней. В отличие от «городищенских» культур лесной зоны, население Неманско-Бужского междуречья жило на открытых поселениях, на ряде памятников также выявлены объекты, которые могут связываться с погребальной обрядностью этого населения (в Грохах Старых и Тростянице). Керамический комплекс этих памятников сформировался в условиях культурного пограничья и сочетает в себе черты, присутствующие в КПШК, культурах западнобалтийского и, в меньшей степени, центральноевропейского круга. Результаты разведок и раскопок последних лет свидетельствуют, что около рубежа эр памятники типа Сураж — Тростяница занимали обширное пространство в междуречье Немана, Западного Буга и Припяти (см. карту 1).

Кардинальные изменения в историко-культурном развитии населения Неманско-Бужского междуречья наступают около середины I в. н.э. — в период кризиса и распада зарубинецкой культуры. С участием выходцев из полесского ареала последней здесь формируется горизонт памятников, который сегодня известен, прежде всего по результатам изучения могильников: Гриневичи Вельке и Кутова на р. Нарев [Andrzejowski, 1999], Красносельск-5 на р. Россь [Медведев, 2004], Радость на р. Лесная [Белявец, 2004б. С. 244—254]. В 2004 г. мной было предложено объединять их, определяя как памятники типа Радость — Кутова [Белявец, 2004б. С. 256]. Сейчас большинство исследователей включает эти могильники в круг памятников позднезарубинецкого типа и ранней фазы развития киевской куль-

туры (типа Абидни) [Andrzejowski, 1999. С. 32—37, 47—48; Белявец, 2004б. С. 251—257; Обломский, 2005. С. 151; Гавритухин, 2009. С. 20; Терпиловский, 2010. С. 10]. Особой точки зрения придерживается А. М. Медведев, выделяющий эти памятники Неманско-Бужского междуречья в особую группу «западнобалтской культуры» [Медведев, 2011. С. 155—161, 292—293, 294—295].

В рамках этой статьи невозможно охватить проблему выделения памятников постзарубинецкого горизонта на территории юга Республики Беларусь в целом — эта тема слишком широка и специфична для каждого из регионов. Поэтому я сконцентрируюсь на памятниках белорусского Припятского Полесья. С учётом высказанных выше замечаний об особенностях естественно-географических условий и состоянии изучения этого региона мне представляется, что тему удобнее будет представить в разбивке на: 1) территорию Восточного Полесья и южной части Верхнего Поднепровья и 2) земли Центрального Полесья.

Восточное Полесье и юг Верхнего Поднепровья

Реконструкция процессов историко-культурного развития I—IV вв. на юго-востоке территории Республики Беларусь опирается на материалы, прежде всего, южной части Верхнего Поднепровья. Работы на памятниках зарубинецкой и киевской культур здесь были начаты в 1950—1960-е гг. П. М. Третьяковым, О. Н. Мельниковской и Ю. В. Кухаренко, активно развивались Л. Д. Поболем в 1960—70 гг., а в настоящее время продолжают в Посожье А. И. Дробушевским. В 1980—1990 гг. исследования на памятниках зарубинецкой и киевской культур в низовьях Березины велись А. В. Ильютик и Н. Н. Дубицкой [Дубицкая, 1988; Ильютик, 1998б; 1998в]. Благодаря усилиям этих исследователей, в последнее десятилетие существенно продвинулась также публикация и изучение материалов эталонных для Верхнего Поднепровья памятников киевской культуры в Абидни и Тайманово [Поболь, Ильютик, 2001; 2002а; 2002б; 2003; Поболь, Дубицкая, Пилипцевич, 2003; Поболь, Дубицкая, 2009; Ильютик поболь, 2005; 2007; 2010; Дубицкая, 2011а]. Подводя промежуточный итог этой работы, Н. Н. Дубицкая предложила выделять памятники III—IV вв. южной части Верхнего Поднепровья из киевской и объединять в отдельную культуру — типа Абидни [Дубицкая 2011б].

Из цепочки развития древностей «зарубинецкой линии» на юге Верхнего Поднепровья выпадает постзарубинецкий период середины или последней четверти I — конца II в. Надежду на открытие таких памятников принесли раскопки Н. Н. Дубицкой на селище **Симоновичи**, расположенном в верхнем течении р. Птичь — на пограничье Припятского Полесья и Верхнего Поднепровья (карта 2: 1). Однако датировка и культурная интерпретация этого памятника остаётся спорной. В ранних публикациях результатов своих исследований Н. Н. Дубицкая датировала это селище рамками II — начала III в. и отнесла к позднезарубинецкому кругу и ранней фазе развития киевской культуры [Дубицкая, 1998а.

С. 11; 1998б]. В позднейшей работе его хронология была сдвинута во вторую четверть I тыс. н.э. [Дубицкая, 2004. С. 74].

В датировке селища Симоновичи Н. Н. Дубицкая опирается на хронологию двух бусин из культурного слоя, приводя различные варианты их типологического определения и датировки [Дубицкая, 1998а. С. 10; Дубицкая, 2004. С. 74]. Не вдаваясь в дискуссию относительно этих находок, хотел бы заметить, что бусы римского периода, при анализе их на уровне наборов, являются замечательным источником для изучения связей между различными группами населения Европейского Барбарикума и их контактов с регионами Римской империи; но сами по себе они лишь в крайне редких случаях могут служить узкими хронологическими индикаторами [Tempelmann-Mączyńska, 1986. Tab. 8. S. 98, 108—126; см. также: Lund-Hansen, 1987. S. 226—228; 2010; Крэнке, Румянцева, 2008; Bieljavec, 2009. S. 14—15].

При современном состоянии изученности указание на время использования селища Симоновичи скорее следует искать в особенностях его керамического комплекса. На широком сравнительном фоне он был рассмотрен Н. В. Лопатиным и А. Г. Фурасьевым, и мнение этих исследователей о близости керамического набора симоновичского селища памятникам типа Грини — Вовки и его переходном характере к верхнеднепровскому варианту киевской культуры [Лопатин, Фурасьев, 2007. С. 130] представляется мне наиболее обоснованным. Этот вывод подтверждают данные по характеру обработки поверхности посуды, использовавшейся на селище Симоновичи. В его материалах фрагменты посуды со штриховкой составляют 14%, а с расчёсами — 1,6% от общего числа [Дубицкая, 1998а. С. 9]. На фоне аналогичных данных эталонного селища киевской культуры в Абидни, где отмечается обратная пропорция (5% фрагментов штрихованной посуды и 11,5% с расчёсами [Ильютик поболь, 2007. С. 20]), это соотношение может свидетельствовать об архаичном характере гончарных традиций селища Симоновичи.

Значительно хуже изучен **восток Припятского Полесья**. В литературе приводились сведения о наличии в нижнем течении Припяти памятников как зарубинецкой культуры, так и позднезарубинецко-киевского культурного круга [Поболь, 1983. С. 21, 40, 246—297; Егорейченко, 1999а. Мал. 67]. Однако в 1950—1970-е гг. их целенаправленный поиск и изучение практически не велись. После 1986 г. развитие исследований в низовьях Припяти сдерживает радиационное заражение земель в результате Чернобыльской аварии. Работы здесь оживились лишь в последние годы в связи с выполнением хозяйственных договоров и принесли, среди прочего, некоторые данные по интересующей нас проблеме.

В 2007 г. при обследовании зоны прокладки локального газопровода автором было выявлено селище у д. **Козловичи** Калинковичского р-на (карта 2: 2). Памятник занимает невысокий мысовидный, вдающийся в пойму выступ террасы левого берега р. Ипа. С севера селище огибал исчезнувший в настоящее

время ручей. Мощность культурного слоя составляет 0,35—0,40 м. На поверхности и в шурфе площадью 20 м² выявлено около 130 фрагментов керамики железного века. По способам обработки поверхности они разделяется на: гладкостенные (83%; рис. 1/А: 1—11, 14—17)², храповатые (10%; рис. 1/А: 12, 13), лощёные (5%; рис. 1/А: 19, 20) и со следами лёгкой штриховки (2%; рис. 1/А: 18). Наиболее выразительные фрагменты свидетельствует о преобладании округлобоких закрытых форм гладкостенных и храповатых горшков с эсвидным изгибом шейки (рис. 1/А: 1,3,5,12—14). Профилировка посуды, хорошее качество её изготовления и обжига, состав керамической массы, а также соотношение посуды с разными способами обработки поверхности позволяют отнести памятник к зарубинецкой культуре. Вместе с тем в керамическом комплексе селища можно отметить элементы, нетипичные для зарубинецких памятников Центрального Полесья (см.: Бяліцкая, 1996; 2002): здесь широко представлена орнаментация венчиков ямочными вдавлениями и насечками (рис. 1/А: 7—9), присутствуют обломки сосудов с прямой, отогнутой наружу шейкой (рис. 1/А: 10,11,15). Отмеченные черты, а также нетипичный для Полесья характер размещения памятника (низинный, вдающийся в пойму рельеф) и малая мощность культурного слоя, могут свидетельствовать о том, что селище в Козловичах относится к поздней фазе развития зарубинецкой культуры или этапу смены поселенческих зон и миграций населения, наступивших в период её распада.

Существуют также данные, указывающие на наличие в этом регионе памятников постзарубинецкого периода. Такие материалы принесло изучение городища *Лиски*, расположенного в низовьях р. Ведрич — правого притока Днепра (карта 2: 3). Памятник был открыт Г. В. Штыховым в 1976 г. и исследовался в 1980—1983 гг. М. И. Лошенковым. Изучена площадь 2620 м². Абсолютное большинство полученных материалов относится к милоградской культуре. Более поздний горизонт использования этого городища маркирует находка подковоподобной фибулы круга выемчатых эмалей (рис. 1: 8). Она имеет три круглых щитка с кольцевыми канавками по периметру и глазчатыми углублениями в центре, в которых не выявлено следов эмали [Лошанков, Барцева, 1995. С. 97]. Фибула близка образцам серии V «Грищинцы — Малышки — Межонис» по Е. Л. Гороховскому, на основании чего её следует относить к фазе «А» развития подковоподобных фибул круга восточноевропейских выемчатых эмалей и датировать в рамках II в. [Гороховский, 1982. С. 25, 28—30]. Недавнее повторное обращение к материалам этого городища позволило М. И. Лошанкову выявить небольшую (около 70 штук) серию фрагментов сосудов из верхних слоев памятника, которая соотносится с данным периодом³. Среди них абсолютно преобладают обломки гладкостенных горшков, присутствуют единичные фрагменты сосудов с мелкой храпова-

тостью по внешней стенке; не отмечены лощёные и со штриховкой. Шейки этих сосудов слабо изогнуты и наклонены внутрь, срез венчиков по внешней кромке и ребру часто орнаментирован насечками и ямками (рис. 1/Б: 1—6); присутствуют также отдельные фрагменты слабо профилированных горшков (рис. 1/Б: 7). Эти находки указывают на то, что во II в. н.э. городище Лиски в течение какого-то (вероятно, непродолжительного) периода использовалось населением позднезарубинецкого культурного круга.

Представленные материалы полученные на селище Козловичи и городище Лиски, в целом подтверждают сведения о наличии в нижнем течении Припяти и примыкающей части Верхнего Поднепровья памятников как зарубинецкой культуры, так и постзарубинецкого горизонта. Они свидетельствуют также о перспективности дальнейших исследований по данной тематике на периферии чернobyльской зоны.

Центральное Полесье

По сравнению с другими землями Южной Белоруссии этот регион обследован лучше. Но работы здесь велись, прежде всего, в относительно высоких и слабо заболоченных ландшафтных зонах Турово-Пинского Полесья — в среднем течении Припяти и нижних участках её правых притоков. Значительно менее продвинулось исследование памятников в Припятском Левобережье и на границе с Вольнюю.

Точкой отсчёта в рассмотрении интересующей нас проблемы является финал полесского варианта зарубинецкой культуры. Наиболее поздние комплексы погребений позволяют синхронизировать его с концом фазы А3 позднего предримского периода по шкале относительной хронологии культур Центральной Европы — временем около 10—40 гг. Учитывая находку на площади могильника Отвержичи фрагментированной фибулы типа Альмгрен-68, исследователями обсуждается возможность продления этого рубежа за счет фазы В1b раннеримского периода, т. е. до времени около 70 г. [Dąbrowska, 1973. S. 199—200; Каспарова, 1976а. С. 139—140; 1976б; 1986; 1989. С. 276—279; Обломский, 1993. С. 42; Егарэйчанка, 1999а. С. 263]. К концу 1990-х — началу 2000-х гг. под влиянием работ ведущих исследователей памятников припятского варианта зарубинецкой культуры, Ю. В. Кухаренко и К. В. Каспаровой, в восточноевропейской, в том числе белорусской археологии закрепилась гипотеза о запустении Припятского Полесья в период с финала зарубинецкой до появления здесь вельбарской культуры на рубеже II—III вв. (см.: Егорейченко, 2004. С. 79—81; 2005; Рассадин, 2005). Эти представления существенным образом изменила публикация материалов полученных при раскопках селищ Курадово-1 и Давыд-Городок-2 (карта 2: 4, 6), которые заполняют

² Рисунки, для которых в подписях не указаны авторство и источник, выполнены автором данной статьи.

³ Пользуясь случаем, благодарю М. И. Лошанкова за любезно предоставленную возможность работы с материалами городища Лиски.

«постзарубинецкую лакуну» в историко-культурном развитии Турово-Пинского Полесья.

Селище **Курадово-1** выявлено В. С. Вергей в 1981 и исследовалось ей в 1982 г. Изучена площадь 200 м². Памятник расположен на пологом склоне левого берега р. Припять, занимает площадь около 4 га. Культурный слой составляет от 0,40 до 0,95 м, стратиграфически не разделён. В предматериковом слое выявлены зольно-угольные пятна, связанные, судя по фрагментам найденной в них керамики, преимущественно с постзарубинецким временем. Это в целом типичное для Турово-Пинского Полесья многослойное поселение, на котором встречаются материалы от неолита до раннего средневековья. Селище находится на западной окраине ареала полесского варианта зарубинецкой культуры. Но при этом в Курадово отсутствуют материалы, которые следовало бы связывать исключительно с зарубинецкой культурой, и выразительно представлен более поздний постзарубинецкий горизонт. Этот комплекс материалов I—III вв. В. С. Вергей и автор выделили в 2002 г. в ходе полной публикации результатов исследования памятника, «отсекая» от общего массива материалов находки других эпох и культур [Белявец, Вяргей, 2002]. Расширенный анализ материалов постзарубинецкого периода был представлен в отдельной статье [Белявец, Вяргей, 2005].

Вещевой комплекс позволяет датировать этот горизонт селища Курадово в рамках середины I—III вв. Нижнюю его границу определяет бронзовая глазчатая фибула типа 50 по О. Альмгрену (рис. 2/А: 1). В европейских провинциях Римской империи эти застёжки получили распространение в конце правления Августа и при Тиберии [Kupow, 1998. S. 105—106; Abb. 4]. Близкая их датировка, в рамках всей фазы В1 (около 10—70 гг.), принимается для материалов вельбарской культуры [Wolągiewicz, 1981. S. 166; 1993. S. 24]. В пшеворской культуре фибулы Альмгрен-50 являются одной из ведущих форм позднего этапа фазы В1 [Godłowski, 1985. S. 41—42]. Наличие глазчатых фибул основной серии в раннем горизонте памятников поздnezарубинецкого круга признаётся одним из аргументов для его синхронизации с фазой В1 по центральноевропейской шкале [Щукин, 1986. С. 26; Обломский, 1993. С. 52; Обломский, 2010б. С. 26]. Фрагменты пружинного аппарата от фибул VI или VII группы по О. Альмгрену (рис. 2/А: 2, 6?), свидетельствуют о том, что селище Курадово использовалось на некоем отрезке III—IV вв. Сузить этот период позволяют сведения о развитии историко-культурной ситуации в микрорегионе. В 1981 г. в ходе раскопок В. С. Вергей селища Лемешевичи, расположенного на противоположном берегу Припяти, были получены выразительные материалы вельбарской культуры, датирующиеся в

рамках фаз В2/С1-С1а—С2 [Белявец, Вяргей, 2005. С. 100—101; Белявец, 2007б. С. 130—132]. Фрагменты керамики этой культуры выявлены также в Курадово. Вероятно, с вельбарским горизонтом здесь связан грунтовый могильник, следы которого в начале 1980-х гг. фиксировались на краю селища [Белявец, Вяргей, 2005. С. 94]. Таким образом, селище Курадово-1, вероятнее всего, прекратило своё существование на рубеже II—III или в первых десятилетиях III в. в связи с появлением в данном микрорегионе населения вельбарской культуры.

Селище **Давид-Городок-2** находится в низовьях р. Горынь (карта 2: 6). Памятник расположен в ур. Хабищи, занимает невысокий (до 2 м над уровнем воды) песчаный холм между правым берегом Горыни и старичным озером. Селище выявлено В. С. Вергей в 1989 г. и исследовалось А. Н. Белицкой в 1989 и 2005 гг. на площади 100 м² [Бяліцкая, 2007]. Большая его часть в настоящее время уничтожена песчаным карьером. Культурный слой достаточно мощный — от 0,57 до 0,90 м, но слабо гумусирован и беден находками. На селище присутствуют материалы милоградской, но не отмечены находки зарубинецкой культуры. Нижняя дата постзарубинецкого горизонта здесь не вполне ясна. Но он не мог сформироваться ранее финала памятников полесского варианта зарубинецкой культуры, которые известны и в непосредственной близости от этого селища⁴. Верхняя же его граница чётко определяется по материалам из объекта №1 [Бяліцкая, 2006. С. 108—109]. Среди прочих вещей, здесь была найдена бронзовая подково-видная фибула серии III («Тростянец — Черняхов») по Е. Л. Гороховскому (рис. 2/Б: 5) и гильза от головки гребенчатой фибулы группы V по О. Альмгрену (рис. 2/Б: 6). Последняя датирует объект второй половиной II — началом III в. [Wolągiewicz, 1993. S. 25; Hauptmann, 1998; Machajewski, 1998]. Эта датировка также соответствует общим данным о развитии историко-культурной ситуации в Нижнем Погорынье: материалы могильников Велимичи-1 и 2, Отвержичи, расположенных в 5—8 км южнее Давид-Городка, свидетельствуют о том, что на рубеже II—III вв. в этот микрорегион также проникает население вельбарской культуры [Каспарова, 1989. С. 276; рис. 10; Белевец, 2007а. С. 330—335; Белявец, 2007б].

Общая характеристика. Хронология рассмотренных селищ охватывает период около середины I — рубежа II—III или начала III в., соотносимый с фазами В1—В2/С1—С1а в системе хронологии культур центральноевропейского Барбарикума. При этом в Курадово более выразительно представлен ранний отрезок этого периода, который может включать в себя также интервал, синхронный подфазе В1а (около 10—40 гг.), а в Давид-Городке — его поздний отрезок на рубеже II—III или в начале III в.

⁴ Около 200—250 м восточнее, на противоположном берегу старицы, в 1981 г. Г. М. Залашко и В. Е. Ерёмченко исследовались остатки повреждённого карьером могильника зарубинецкой культуры [Залашко, Ерёмченко, 1984]. Селище Давид-Городок-3, расположенное около 2,5 км юго-западнее, исследовалось в 1985 г. А. А. Егорейченко [Егорейченко, 2000].

Вещевой комплекс селищ Курадово и Давыд-Городок-2, кроме описанных выше находок, включает в себя ряд деталей костюма, украшений, орудий труда, бытовых предметов и элементов вооружения, которые не могут привлекаться в качестве узко датированных материалов. Их общая хронология не противоречит датировкам представленных выше находок, аналогии же позволяют составить представление о круге связей населения, использовавшего эти памятники.

Помимо упомянутых выше фибул, в costume жителей этих селищ, судя по найденным здесь фрагментам пружинных аппаратов, могли использоваться также застёжки позднелатенской схемы (щитковые зарубинецкого типа?) (рис. 2/А: 7) и, вероятно, ранние варианты одночастных группы VI по О. Альмгрену, близкие к типу 158 в его классификации (рис. 2/Б: 4; о хронологии и ареале этого типа фибул см.: Maćyżńska, 2009. S. 73—81, там список литературы).

Из Курадово происходят фрагменты пряжек (рис. 2/А: 3, 4), близких типам D.1 и G.5—9 по Р. Мадиде-Легутко [Madyda-Legutko, 1986].

На обоих селищах найдены фрагменты браслетов с сужающимися окончаниями, выполненные из брусков прямоугольного и треугольного сечений (рис. 2/А: 5; рис. 2/Б: 7). Два фрагментированных браслета аналогичной формы найдены на могильнике Рахны [Обломский, 2010б. С. 28. Рис. 18: 6, 21: 5]. Отпечатки штампа в виде кружков, глазков и полумесяцев в раннеримское время широко использовались в орнаментации браслетов пшеворской, вельбарской культур и населения Прибалтики [Andrzejowski, 1994. S. 318—319. Рис. 1: b, f; 5: f; 11; Pietrzak, 1997. S. 211. Taf. CXIII: 333-3; Skorupka, 2001. S. 343. Tab. 78: gr. 254/8, 9; Michelbertas, 1986. 50—55 pav.].

На селище Курадово-1 выявлены железные посоховидные булавки типов IБ (рис. 2/А: 8) и II (рис. 2/А: 9; рис. 2/Б: 3) по А. М. Медведеву [Медведев, 1995]. Булавки этих типов не известны на памятниках полесского варианта зарубинецкой культуры. Железные посоховидные булавки типа II характерны для милоградской культуры раннего железного века, встречены также на городище Чаглин. Булавки типа IБ в I—III вв. распространены в материалах КПШК, Прибалтики, верхнеднепровского варианта киевской культуры; отдельные находки известны на памятниках деснинского варианта последней, а также в дьяковской и тушемлинской культурах [Медведев, 1995. С. 184—193].

Находки в Курадово позволяют составить представление о наборе бус, использовавшемся населением, оставившем памятники постзарубинецкого горизонта в Турово-Пинском Полесье. Здесь представлены бусы типов: А-104 (по Е. М. Алексеевой) (рис. 2/А: 12, 13), ТМ-3876 с серебряной вкладкой (рис. 2/А: 14), ТМ-2 (рис. 2/А: 10) и ТМ-30 (рис. 2/А: 11) (по М. Тэмпельман-Мончиньской). Этот набор в целом типичен для памятников позднзарубинецкого круга и раннего этапа развития киевской культуры [Максимов, Терпиловский, 1993. Таб. XLII: 325, 30, 31, 41]. В нём особенно характерно сочетание

бус типов ТМ-387 и А-104, которые являются интегрирующими формами для всего горизонта находок круга восточноевропейских выемчатых эмалей на огромном пространстве их распространения — от Немана до Камы [см: Corpus... 2001. S. 27—59. Taff. 11; Ильютик, Лоболь, 2010. С. 244; Смирнов, 1974. С. 59; Румянцева, 2005. С. 268, 274—276; Кренке, Румянцева, 2008. С. 100—102, 104—105].

Одно из найденных в Курадово пряслиц выточено из стенки чёрнолощёного сосуда (рис. 2/А: 17). Такие пряслица известны в материалах зарубинецкой культуры, с этой традицией связано и их наличие на памятниках позднзарубинецкого круга [Обломский, 1991. С. 53]. Четыре пряслица, выявленных на селищах в Курадово и Давыд-Городке, имеют низкую биконическую форму и широкие отверстия (рис. 2/А: 18; 2/Б: 8—10). Они соответствуют типам 5 и 6 в классификации А. М. Обломского [Обломский, 1991. С. 55—57. Рис. 16] и широко представлены в киевской культуре, в том числе на селище в Абидне, где определяются как типы III и V по А. Г. Митрофанову [Митрофанов, 1978. С. 40-41; Ильютик поболь, 2005]. Для понимания этой категории находок в широком контексте показательным то, что типология пряслиц, разработанная А. Г. Митрофановым для материалов, прежде всего КПШК, вполне применима для памятников верхнеднепровского варианта киевской культуры и типа Курадово.

В заполнении объекта 1 селища Давыд-Городок-2 найдены обломки железных ножей, а в культурном слое — втулка от наконечника дротика (рис. 2/Б: 11).

Керамический комплекс селищ Курадово и Давыд-Городок-2 близок по набору, профилировке посуды и способу обработки поверхности. В материалах Курадово к постзарубинецкому периоду отнесено 1146, а в Давыд-Городке — 1177 фрагментов сосудов. На обоих памятниках не выявлено хрупчатой керамики, которая может относиться к постзарубинецкому горизонту. Абсолютно преобладают обломки гладкостенной посуды — 93—94% от общего числа фрагментов. В Давыд-Городке фрагменты лощёной посуды составляют 6%, на селище Курадово — 3%. При этом в материалах последнего более выразительно представлена чёрнолощёная посуда. Обратное соотношение демонстрирует статистика по керамике со штриховкой и расчёсами: 4% в Курадово и всего 1% в Давыд-Городке. Штриховка неглубокая плотная, как и расчёсы, наносилась на внешнюю поверхность толстостенных груболопных сосудов. В ряде случаев расчёсы были нанесены поверх штриховки (рис. 3: 14; 4: 19). Расчёсы выполнялись жёстким гребенчатым штампом, линии часто пересекаются под острыми углами, образуя узор в виде косой сетки (рис. 3: 15—17). Наиболее показательные фрагменты свидетельствуют о том, что в керамическом комплексе этих памятников преобладали гладкостенные горшки закрытых форм с плавным эсвидным изгибом шеек (рис. 3: 2, 4, 5, 8, 9; 4: 1—11, 13); выразительной серией представлены также фрагменты ребристых горш-

ков (рис. 3: 17, 20; 4: 17). Реконструируемые для них формы сопоставимы с горшками типов I/1a,б и II/1, выделенными А. М. Обломским и Р. В. Терпиловским для памятников позднезарубинецкого типа и киевской культуры [Обломский, Терпиловский, 1991; Обломский, 1991]. Для памятников типа Курадово характерна орнаментация венчиков массивных груболепных сосудов насечками, реже выступают ямочные вдавления и расчёсы (рис. 3: 4, 7, 9). В ряде случаев их внешний край дополнительно подрезался (рис. 7, 10). Среди фрагментов горшков единичны обломки с лощёной поверхностью (рис. 3: 30). Этим способом обрабатывалась поверхность, прежде всего, миниатюрных сосудов (рис. 3: 22, 25), кувшинов (рис. 3: 26; 4: 18), дисков (рис. 3: 27, 28) и мисок. Последние имеют ребристую профилировку (рис. 3: 19; 4: 22) и соответствуют типам III/ и I III/2г в классификации А. М. Обломского и Р. В. Терпиловского. В работе А. Н. Белицкой был также предложен вариант собственной типологии посуды селища Давид-Гарадок [Бяліцкая, 2007. Мал. 13].

Как хронология, так и характеристики материальной культуры селищ в Курадово и Давид-Городке позволяют относить их к памятникам позднезарубинецкого круга. В 2005 г. В. С. Вергей и мной было предложено выделять такие памятники Турово-Пинского Полесья в отдельную локальную группу — типа Курадово [Белявец, Вяргей, 2005. С. 104]. Керамический комплекс этих селищ находит наиболее близкие соответствия на памятниках типа Грини — Вовки и типа Абидня. Вместе с тем преобладание закрытых форм горшков и характеристика керамической массы, указывают на то, что памятники типа Курадово сформировались на основе традиций полесского варианта зарубинецкой культуры [Белявец, Вяргей, 2005. С. 98, 103—104; Бяліцкая, 2006. С. 121].

В настоящее время трудно говорить об ареале памятников типа Курадово. Работы по их целенаправленному поиску лишь начинаются. Вместе с тем анализ материальной культуры селищ в Давид-Городке и Курадово, определивший в общих чертах хронологические рамки и основные характеристики материальной культуры памятников этого типа позволяет выявлять синхронные и культурно близкие материалы на территории Центрального Полесья и прилегающих регионов.

С группой памятников типа Курадово, судя по всему, следует связывать ряд вещевых находок раннеримского времени, выявленных в разное время в Турово-Пинском Полесье. К их числу относятся: провинциальноримская шарнирная фибула типа Riha-5.16, найденная у д. Черничичи (рис. 2/В: 2; карта 2: 8) [Белевец, Егорейченко, 2002]; глазчатая фибула основной серии типа Альмгрен-52 и фибула типа

Альмгрен-68 с селища у д. Площево Пинского р-на (рис. 5: 1, 2; карта 2: 5)⁵. С большим основанием, нежели с материалами зарубинецкой культуры, с рассматриваемой группой памятников соотносится фибула типа Альмгрен-67/68, происходящая с площади могильника Отвержичи (карта 2: 7; рис. 2/В: 3)⁶. С позднезарубинецким горизонтом также может связываться наконечник копья, обнаруженный в 1981 г. на площади могильника зарубинецкой культуры в ур. Левановщина у д. Давид-Городок (рис. 2/В: 1) [Залашко, Ерёменко, 1984. С. 238—239; рис. 3: 1]. Наиболее близкие соответствия он находит среди наконечников типа IX по П. Качановскому, которые в материалах пшеворской культуры относятся к раннеримскому времени [Kaczanowski, 1995. S. 20. Tab. X: 1—3; Радюш, 2011. С. 17].

Вполне надёжным маркёром памятников середины I—III/IV вв., относящихся к позднезарубинецкой и киевской культурной традиции, как в Турово-Пинском, так и Белорусском Полесье в целом, следует считать фрагменты груболепной посуды железного века с гребенчатыми расчёсами. Памятники, на которых в разное время была выявлены фрагменты таких сосудов, известны от северных окраин Центрального Полесья в районе Солигорска до пограничья с Волинью на юге. В среднем течении Припяти крайним восточным пунктом является селище Снядин-3 (карта 2: 9), в ходе раскопок которого В. С. Вергей выявлен керамический материал интересующего нас круга [Вяргей, 2011. С. 38—41]. На юге ареал памятников с расчёсами маркируют находки с селища Викоровичи-3, открытого В. С. Вергей в 1986 г. (карта 2: 10; рис. 6/В). На севере Центрального Полесья данный горизонт памятников представлен материалами селищ Любань-3 (карта 2: 13; рис. 6/А)⁷ и Зажевичи⁸ (карта 2: 11; рис. 6/Б). В 2009 г. в ходе исследования раннесредневекового курганного могильника Метявичи, расположенного 0,7—0,8 км южнее последнего, была обнаружена глазчатая фибула типа Альмгрен-61 (карта 2: 12; рис. 5: 4; [Кривальцевич, 2011. С. 114]). В материалах пшеворской культуры этот вариант глазчатых фибул прусской серии, с характерным коленчатым изгибом спинки, признаётся наиболее поздним и относится к концу фазы В2, а на территории Самбии такие застежки использовались до фазы В2/С1—С1а включительно [Andrzejowski, 2001. S. 61—62; Радюш, Скворцов, 2008. рис. 8].

Памятники и находки, связанные с рассматриваемым культурно-хронологическим горизонтом, известны также северо-западнее Пинска — в Загородье [Белявец, Вяргей, 2005. С. 103]. Их список постепенно пополняется. В ходе недавних разведок по каналу Винец — мелиорированному притоку р. Ясельда⁹, были обнаружены два новых селища с

⁵ Эти вещи, а также фрагмент фибулы из д. Мерчицы Пинского р-на (см. ниже) были обнаружены в 2011 г. жителем г. Пинска Г. В. Кравцовым и переданы им в собрание музея Исторического факультета Белорусского государственного университета в Минске.

⁶ О хронологии и ареале фибул А-68 в целом см.: Maćzyńska, 2009. S. 27—31; применительно к кругу позднезарубинецких памятников: Обломский 2010б. С. 26—27.

⁷ Памятник открыт в В. Ф. Исаенко в 1970 г. и обследовался им же в 1973 г.

⁸ Памятник открыт и был обследован Н. Н. Кривальцевичем в 2009 г.

керамикой железного века, в том числе со штриховкой и расчёсами: в Ревятичах и Сигневичах (карта 2: 19, 20; рис. 6/Г, 6/Д). Вероятно, с последним связана подковоподобная фибула с эмалью VI («Балто-Днепро-Окской») серии по Е. Л. Гороховскому (рис. 5: 6), недавно опубликованная Э. М. Зайковским [Зайкоўскі, 2011. С. 167—168]. Число выявленных в Полесье глазчатых фибул дополнил фрагмент застёжки прусской серии с селища Мерчицы в нижнем течении Ясельды (карта 2: 17; рис. 5: 3).

Представленные выше материалы очерчивают зону, в рамках которой представляется перспективным дальнейший поиск и изучение памятников типа Курадово, а также родственных им памятников середины I—III/IV вв.

Обратимся к **проблеме формирования** памятников типа Курадово. Представленные выше данные свидетельствуют, что датировки памятников полесского варианта зарубинецкой культуры и типа Курадово смыкаются. Наступившие же около середины I в. изменения в культурном облике населения Турово-Пинского Полесья существенны.

В настоящее время погребальный обряд населения, оставившего памятники типа Курадово, неизвестен. Но вполне определённо можно говорить о том, что оно не использовало (по крайней мере, активно) известные на сегодня могильники зарубинецкой культуры⁹, и погребальная обрядность этого населения должна была существенно отличаться от зарубинецкой.

Различия наблюдаются также в топографии и характере селищ. Зарубинецкие поселения Турово-Пинского Полесья имеют преимущественно долговременный характер и мощный культурный слой. Они, как правило, дистанцированы от Припяти и её крупных притоков: размещаются на высоких вторых террасах у стариц и небольших водных токов и связаны с плодородными, в том числе дерново-карбонатными почвами [Беліцкая, 2011б. С. 152]. В отношении селищ Курадово-1 и Давид-Городок-2 наблюдаются обратные тенденции. Их культурный слой слабо гумусирован и беден находками. Эти селища связаны с более низкими ландшафтными зонами по берегам крупных рек (Припяти и Горыни), где размещаются на склонах первых террас и песчаных возвышенностях, тяготея к песчаным и пойменным почвам. Данный тип размещения в целом не характерен для зарубинецкой культуры — он отмечен в отношении 23% известных селищ [Беліцкая, 2011б. С. 152]. Пример селища Давид-Городок-3, где обнаружены также отдельные фрагменты груболепной керамики с расчёсами [Егорейченко, 2000. С. 71], свидетельствует о том, что в Турово-Пинском Полесье тенденция к переносу поселенческих

структур в более низкие ландшафтные зоны наметилась ещё в финальной фазе зарубинецкой культуры. Полученная картина в целом близка к ситуации в Среднем Поднепровье и Днепровском Левобережье. Перенос селищ в более низкие ландшафтные зоны, сопровождавший распад зарубинецкой культуры в этих регионах, объясняется исследователями комплексом причин, прежде всего — климатическими изменениями, наступившими около рубежа эр: установлением более тёплого, сухого климата [Обломский, Терпиловский, Петраускас, 1990. С. 24—25; Башкатов, Земцов, 2010. С. 67—68; Терпиловский, 2010. С. 14—15; Арион, Башкатов, Обломский, Терпиловский, 2010. С. 99—100].

При сопоставлении элементов материальной культуры населения полесского варианта зарубинецкой культуры и памятников типа Курадово следует подчеркнуть ряд отличий, которые невозможно объяснить только лишь привнесением новых, раннеримских, стилистических веяний.

В керамическом комплексе Курадово-1 и Давид-Городок-2 не отмечена храповатая керамика, обломки которой на селищах полесского варианта зарубинецкой культуры составляют до 23%; резко снижается доля лощёной, и прежде всего чёрнолощёной, керамики: с 19—12% до 6—3% [Каспарова, 1987. С. 59; Бяліцкая, 1996. С. 96]. Появляются новые приёмы обработки поверхности и орнаментации груболепной посуды: штриховка и гребенчатые расчёсы по тулову и шейке, насечки и расчёсы по венчику.

В костюме появляются железные посоховидные булавки типов, не характерных для населения полесского варианта зарубинецкой культуры.

Жители селищ типа Курадово пользуются пряслицами типов, отличных от распространённых в зарубинецкой культуре: низкими биконической формы, с широкими отверстиями. Новая форма пряслиц свидетельствует о привнесении элементов иной традиции и также может указывать на иную технику прядения и/или изменение сырья для ткачества.

Приводившиеся выше аналогии свидетельствуют о том, что источник большей части этих новаций следует искать в традициях населения круга культур восточноевропейской лесной зоны, и прежде всего — КПШК.

Взаимодействие населения зарубинецкой культуры и КПШК в Центральном Полесье наиболее полно раскрывают материалы городищ южной окраины последней, таких как Ивань и Мысли (карта 2: 27, 28). Около рубежа эр влияние зарубинецкой культуры затронуло большинство сфер жизни общин, использовавших эти поселения: они прослеживаются в трансформации элементов костюма, вооружения, керамического комплекса, в распространении новых

⁹ Работы проводились в 2011 г. мной и Е. Ф. Касюк.

¹⁰ Со значительной долей осторожности можно лишь предположить, что с постзарубинецким горизонтом могут быть связаны отдельные погребения могильников Велимичи-1 и Велимичи-2, отличающиеся по особенностям погребального обряда от зарубинецких: безинвентарные, с зольно-угольным заполнением небольших ям округлой формы и малым количеством кальцинированных костей. Ю. В. Кухаренко относил все эти объекты к вельбарской культуре [Кухаренко, 1961. С. 38, 42—43, 48, 50]. Среди них действительно присутствуют вельбарские погребения, но вопрос о культурной принадлежности части этих объектов я, в след за К. В. Каспаровой, оставлял бы открытым [Каспарова, 1989. С. 273—274; Бялявец, 2007а. С. 330—332; Белевец, 2007б. С. 125—128].

технологий чёрной металлургии и деревообработки. С ними связываются изменение традиций домостроительства и, вероятно, социальной организации населения северных окраин Полесья. Предполагается, что в состав общин, живших на городищах Ивань и Мысли, могли входить выходцы из полесского ареала зарубинецкой культуры, или они предшествовали здесь расселению носителей КПШК [Егорейченко, 1996. С. 63-68; Егарэйчанка, 1999б. С. 146, 149—150; Егорейченко, 2006. С. 105—106; Гурин, 2000; см. также: Гавритухин, 2003. С. 135]. Очевидно, что ещё на рубеже эр в этих контактах население КПШК было воспринимающей стороной: обратные связи не прослеживаются в погребальном обряде полесского варианта зарубинецкой культуры и лишь спорадически отмечаются в керамическом комплексе селищ [Бяліцкая, 1996. Мал. 10: 4].

В этом контексте наступившее около середины I в. общее огрубление материальной культуры населения Турово-Пинского Полесья, сопровождавшееся привнесением в неё ряда новых, «северных», элементов, а также стремительным распространением иной погребальной обрядности, на мой взгляд, не может объясняться прямым эволюционным развитием традиций полесского варианта зарубинецкой культуры.

В статье 2005 г. В. С. Вергей и я обратили внимание на наличие на левобережье Припяти памятников, керамический набор которых подобен курадовскому, но имеет более архаичный облик, и предположили, что культура этого населения явилась тем передаточным звеном, которое в I в. привнесло «северные» традиции в Турово-Пинское Полесье [Беловец, Вергей, 2005. С. 103]. За прошедшие годы изучение таких памятников несколько продвинулось, главным образом благодаря обработке материалов полученных в разное время коллегами, изучающими в Северном Полесье памятники эпох камня и бронзы. Результатам этих работ недавно посвятила отдельную статью А. Н. Белицкая [Бяліцкая, 2011а]. Здесь я хотел бы представить общий обзор данных материалов, акцентируя внимание на проблеме происхождения селищ Припятского левобережья и их вероятного участия в формировании памятников типа Курадово.

В настоящее время интересующие нас памятники известны, прежде всего по результатам работ в Мотольском микрорегионе на нижней Ясельде, а также в нижнем течении р. Ореса — вокруг г. Любань. Эти селища бедны индивидуальными находками и с трудом поддаются датировке. Некоторые данные к определению их хронологии дают лишь материалы Мотолья-20 и Старых Юрковичей (карта 2: 18, 15). При раскопках Е. Г. Колечиц первого из них вместе с фрагментами груболепной и украшенной штриховкой и расчёсами посуды (рис. 7/А: 2—5), выступавшими компактно, на площади 16 м², была найдена головка железной одночастной фибулы с верхней тетивой, вероятно, среднелатенской схемы (рис. 7/А: 1). Н. Н. Кривальцевичем на селище Старые Юрковичи были расчищены остатки очага в виде скопления пережжённых камней и угля,

в котором обнаружены фрагменты двух лощёных мисок зарубинецкой культуры (рис. 8: 21, 22) и покрытого штриховкой горшка (рис. 8: 23), большая часть обломков которого найдена вокруг в радиусе 1—2 м. Данный комплекс посуды, как и упомянутый фрагмент фибулы с селища Мотоль-20, свидетельствуют о том, что интересующие нас селища Припятского левобережья использовались в период, в целом синхронный памятникам зарубинецкой культуры в Турово-Пинском Полесье. Фрагменты более массивной толстостенной посуды, в том числе украшенной расчёсами (рис. 6: 6—8; рис. 7/А: 6; рис. 7/Б: 19—22), а также находка на селище Старые Юрковичи пряслица биконической формы с широким отверстием (рис. 8: 19) указывают на наличие на этих памятниках также более позднего постзарубинецкого горизонта.

В керамическом комплексе селищ левобережной части Центрального Полесья абсолютно преобладают горшки, неизвестны находки кувшинов и кружек. Миски немногочисленны. Некоторые (рис. 8: 20, 21) соответствуют типу II.2 мисок полесского варианта зарубинецкой культуры по К. В. Каспаровой, или типу II.3 по классификации А. Н. Белицкой [Каспарова, 1976б. С. 56; Бяліцкая, 2007. Мал. 1]. Но в ряде случаев они лишь имитируют зарубинецкую посуду (рис. 7/Б: 13; 8: 18, возможно, рис. 18: 17). Керамический комплекс этих селищ характеризуют, прежде всего, горшки ребристых форм: с вогнутой шейкой, более или менее выпуклым туловом и плечом, размещенным на высоте около $\frac{3}{4}$ и выше от общей высоты сосуда (рис. 7/А: 2; рис. 7/Б: 1, 2, 5, 7, 8; рис. 8: 5). Некоторые фрагменты (рис. 8: 23), а также развал горшка из очага в Старых Юрковичах (рис. 7/Б: 3) свидетельствуют об использовании округлобоких горшков. Края венчиков орнаментировались насечками (рис. 7/А: 2; рис. 8: 2, 6, 9, 12) и ямочными вдавлениями (рис. 7/Б: 5, 12; рис. 8: 3). Реже отмечаются парные защипы по внешнему краю (рис. 7/Б: 11) и штриховка по ребру венчика (рис. 8: 1). Устойчиво присутствует традиция покрывать внешнюю поверхность горшков штриховкой. Доля фрагментов штрихованной посуды на селище Озерное составляет 34% (из 200 обломков); в Мотолье-20 — порядка 50% (из 120 фрагментов); на селище Ст. Юрковичи — 58% (из более 600 фрагментов). Обломки лощёной посуды в Мотолье-20 и Озерном не отмечены, а на селище Старые Юрковичи она представлена развалами двух упомянутых выше мисок. Здесь же найдены обломки миски, напоминающей по профилировке зарубинецкие, но с иной техникой обработки поверхности: она заглажена поверх горизонтальной штриховки (рис. 8: 18). Пример такого рода «гибридной» техники обработки поверхности можно отметить в Озерном, где на нескольких сосудах поверх штриховки был нанесён слой храповатого ангоба (рис. 7: 7, 10).

В целом, функциональный набор посуды селищ левобережной части Центрального Полесья близок к представленному около рубежа эр в «городищенских» культурах восточноевропейской лесной зоны. Он сочетает черты, присутствующие в зарубинецкой

культуре и КПШК. На связь с традициями последней (генетического характера и/или обусловленную и поддерживаемую позднейшими контактами) указывает преобладание горшков ребристых форм, традиция покрывать груболепные горшки штриховкой, а также неразвитость других способов обработки поверхности (лощением и храповатостью) и скромность набора столовой посуды. Вместе с тем в орнаментации горшков здесь не использовались парные защипы и насечки по ребру тулова, характерные для северных соседей. Кроме того, морфология сосудов с селищ левобережной части Центрального Полесья далека от «классики» КПШК с территории Северной и Центральной Белоруссии (см.: Егорейченко, 1996; 1999б; Медведев, 1996) и находит соответствие, скорее, на городищах контактной зоны в нижнем течении Березины [Ильютин, 1998а. С. 37. Рис. 3: тип S2:3; Ильютин, Лошенко, 2003. С. 142. Рис. 8: типы S2:3, K2]. Вклад же традиций зарубинецкой культуры прослеживается в меньшей степени. Он выражается в наличии импортной столовой посуды и возникновении подражаний ей, а также, возможно, в тенденции перехода к более округлой профилировке горшков. То есть, воспринимая зарубинецкие влияния, керамический комплекс селищ Припятского левобережья мог эволюционировать в том же направлении, что на городищах южной части КПШК (ср.: Егорейченко 1999б. С. 130).

В вопросе о происхождении селищ типа Старые Юрковичи, вероятно, права А.Н. Белицкая полагающая, что они сформировались на основе местных памятников раннего железного века, культура которых в этом микрорегионе наиболее полно представлена в материалах городища Сорочи (карта 2: 14) [Бялицкая, 2011. С. 127—128; Белявец, Вяргей, 2005. С. 103]. Культурная интерпретация этого памятника спорна. М.И. Лошанков и А.В. Ильютин относят сорочинское городище к КПШК и на этом основании отодвигают южную границу КПШК на юг вглубь Центрального Полесья до среднего течения р. Ореса [Ильютин, Лошанков, 2003. С. 132]. А.А. Егорейченко в своей последней монографии не комментирует эти материалы и не включает данный регион в ареал КПШК (см.: Егорейченко, 2006. С. 57—60). Ранее этим исследователем выдвигался тезис о наличии в Центральной Белоруссии группы милоградской культуры раннего железного века, существовавшей в этом регионе распространению носителей КПШК [Егорейченко, 1996. С. 65—70; 1999б. С. 117—118], но в дальнейшем это положение не получило развития.

В качестве гипотезы можно рассматривать следующую версию формирования памятников типа Старые Юрковичи. В керамическом комплексе городища Сорочи выделяется два хронологических горизонта [Ильютин, Лошанков, 2008. С. 132]. Нижний содержит посуду раннего железного века с выразительными «милогроидными» чертами: горшки с округлым туловом, прямыми наклонёнными наружу венчиками, ямочным орнаментом в основании шейки. Но, в отличие от классических памятников мило-

градской культуры, эти сосуды часто покрыты штриховкой. Здесь также отсутствуют формы грузиков, характерные для милоградской культуры, состав же пряслиц и находка грузика дьякова типа подчёркивают связь жителей этого памятника с КПШК. Поздний горизонт сорочинского городища содержит импортную зарубинецкую посуду, а керамический комплекс в целом близок и, вероятно, синхронен материалам селищ в Озаричах и Старых Юрковичах [Бялицкая, 2011. С. 127—128]. Рассматривая памятники Любаньского микрорегиона в рамках эволюционной цепочки, можно предположить, что жители левобережья Припяти являются потомками местного населения раннего железного века, связанного с милоградской культурой. Вероятно после распада последней в III в. до н.э., это население сохранялось на Припятском левобережье, и его культура постепенно трансформировалась в условиях пограничья, воспринимая элементы соседних культур.

На мой взгляд, характер керамического комплекса памятников типа Старые Юрковичи и Мотоль-20 не даёт оснований говорить о проникновении на левобережье Припяти около рубежа эр значительных групп зарубинцев или экспансии населения этой культуры вплоть до окраин КПШК (ср.: Бялицкая, 2011а. С. 127, 129). Вероятно, южных городищ этой культуры достигали не выходцы из Турово-Пинского Полесья, а лишь влияния зарубинецкой культуры, опосредованные контактами с родственными КПШК группами населения Припятского левобережья.

Сейчас невозможно судить о том, в какой мере население, оставившее в Турово-Пинском Полесье памятники постзарубинецкого горизонта, являлось потомками носителей полесского варианта зарубинецкой культуры, и вклад в их формирование какого из компонентов (пограничных групп Припятского левобережья, или местного зарубинецкого) был более весом в демографическом и культурном аспектах. То есть: являлись ли жители селищ типа Курадово позднего или постзарубинецким населением в том смысле, который вкладывается в эти понятия разными исследователями.

Ключевым в проблеме интерпретации этих памятников является вопрос о механизме распространения в I в. северных, «лесных» культурных элементов в Турово-Пинском Полесье. Можно рассматривать ряд вариантов его решения. На мой взгляд, памятники типа Курадово, вероятнее всего, сформировались в ходе переселения из Северного Полесья в поречье Припяти жителей пограничья, использовавших селища типа Старые Юрковичи и Мотоль-20, и их смешения с частью прежнего населения, носителями зарубинецкой культуры. Натиск этих северных пограничных групп, происходивший на фоне экологических изменений и распада общности латенизированных культур, собственно и мог стать одной из причин исчезновения памятников «классической» зарубинецкой культуры в Турово-Пинском Полесье и миграции её носителей, прежде всего — в юго-западном и западном направлениях¹¹.

¹¹ О возможности этого варианта развития событий, приведших к исчезновению памятников зарубинецкой культуры в Припятском Полесье, писал Д.А. Мачинский [Мачинский, 1976. С. 94—95].

Заключение

Естественно, при современном состоянии изучения проблемы представленные выше тезисы могут рассматриваться лишь в качестве гипотез самого предварительного характера.

Неясна дальнейшая судьба населения, оставившего памятники типа Курадово. Результаты раскопок в Давыд-Городке-2 и Курадово-1 указывают на то, что оба эти селища, вероятнее всего, прекратили существование около рубежа II—III вв. в связи с продвижением носителей вельбарской культуры. Присутствие последней прослеживается между устьем Ясельды и Горыни до конца римского периода; вместе с тем остаётся невыясненным, насколько плотными и стабильными здесь были вельбарские поселенческие структуры [Белевец, 2007а. С. 330—335; 2007б]; и, соответственно, — означало ли проникновение на земли среднего течения Припяти новой волны носителей центральноевропейских культурных традиций финал развития местной культуры?

Яркие свидетельства обратного были получены В. С. Вергей при раскопках 1988—1989 гг. на селище Струга-1 в нижнем течении р. Горынь. В культурном слое памятника преобладают материалы пражской культуры, к ней относятся также три исследованные здесь полуземляночные постройки. В заполнении же постройки № 4, вместе с фрагментами груболепных горшков киевской или протопражской культурной традиции и тремя пряслицами биконической формы с широким отверстием, был найден фрагмент чернолощеной гончарной миски черняховской культуры, которая датирует этот объект в рамках середины III—IV в. Аналогичные материалы были выделены также в культурном слое памятника [Вергей, 2008. С. 243—244. Рис. 9; Белявец, 2007б. С. 139. Мал. 5]. Вероятно, к данному горизонту следует отнести и постройку № 5, исследованную на этом памятнике в 2003 г. А. Н. Белицкой [Бялицкая, 2011]. Полученные на селище Струга-1 данные указывают на то, что в середине III—IV в. в белорусском Погорынье, входившем в зону расселения или активного влияния вельбарской и черняховской культур, сложилась некая форма культурного и политического сосуществования населения двух культурных кругов — «готского» и общности культур восточноевропейской лесной зоны. В верховьях Горыни факт синхронного проживания на одном памятнике населения обеих культурных традиций фиксируется по результатам раскопок селища Лепесовка [Щукин, 1989б].

Иная ситуация вырисовывается на восточных окраинах Турово-Пинского Полесья. В последних работах В. С. Вергей приводятся данные, свидетельствующие о том, что наиболее полно исследованные селища этого региона, такие как Снядин-3 и Петриков-2, использовались на протяжении всего железного века (от милоградской до пражской культуры), при этом на них не выявлено материалов вельбарской и черняховской культур. На этих памятниках выделяется как горизонт с керамикой, близкой к памят-

никам типа Курадово, так, вероятно, и более поздний посуда которого сравнима по морфологии и особенностям орнаментации с керамическим комплексом киевской культуры, прежде всего — типа Абидни [Вергей, 2008; Вяргей, 2011]. До настоящего времени эти материалы были выявлены преимущественно в культурном слое многослойных памятников или объектах, лишённых чётких датирующих материалов. Общая культурная атрибуция и круг аналогий, устанавливаемый для допражского керамического материала этих селищ не вызывает возражений, но отсутствие выразительных датирующих находок заставляет с осторожностью относиться к определению их хронологической позиции.

Обобщая анализ данных по памятникам традиций восточноевропейской лесной зоны I—IV вв. с территории Центрального Полесья, в белорусской археологии В. С. Вергей и А. Н. Белицкая сформулировали гипотезу о том, что в III—IV вв. развитие традиций памятников типа Курадова явилось основой или одним из важных источников формирования в Припятском Полесье пражской культуры [Вергей, 2008. С. 244; Вяргей, 2011. С. 42; Бялицкая, 2011в. С. 55; см. также: Гавритухин, 2003; 2009; Белявец, Вяргей, 2002. С. 12—13].

Таким образом, теория, заполняющая «полесское белое пятно», блестяще сформулированная более тридцати лет назад М. Б. Щукиным и Д. А. Мачинским как уравнение со многими неизвестными, в настоящее время имеет ряд аргументов подтверждающих её верность. Вместе с тем практическое изучение памятников позднезарубинецкого круга в белорусском Припятском Полесье лишь начинается. И, исходя из анализа имеющихся материалов, лишь два тезиса могут формулироваться вполне доказательно:

1. В среднем течении Припяти существуют памятники середины I — рубежа II/III вв., заполняющие «позднезарубинецкую лагуну» в историко-культурном развитии этого региона — памятники типа Курадово. Синхронные им культурно родственные материалы выявляются на большей части Белорусского Полесья.

2. Культура населения, оставившего памятники типа Курадово, сочетает черты полесского варианта зарубинецкой культуры и круга «городищенских» культур восточноевропейской лесной зоны. Как с точки зрения хронологии, так и по характеру материальной культуры эти памятники следует включать в состав позднезарубинецкого историко-культурного горизонта.

Проблемы формирования этой группы памятников и судьбы оставившего его населения далеки от разрешения и требуют существенного пополнения базы источников. Успехи в изучении памятников позднезарубинецкого культурного круга в Припятском Полесье в немалой степени будут зависеть также от развития исследований по смежным темам: раннему железному веку на левобережье Припяти, зарубинецкой, вельбарской и пражской культурам.

Літаратура

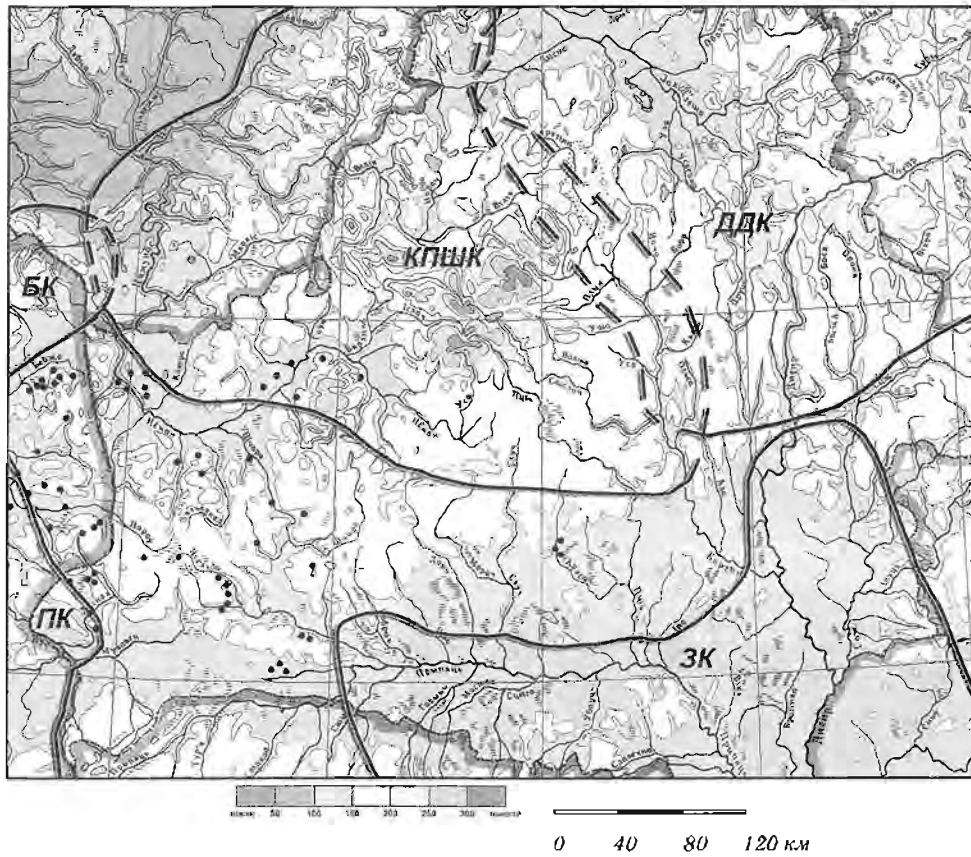
- Алексеева Е. М. Античные бусы Северного Причерноморья. Сер. САИ. Вып. Г1-12. Москва, 1975.
- Арион О. В., Башкатов Ю. Ю., Обломский М. М., Терпиловский Р. В. У истоков славянства // Позднерубинские памятники на территории Украины. Сер. РСМ. Вып. 12. Москва, 2010. С. 93—110.
- Башкатов Ю. Ю., Земцов Г. Л. Топография и планировка поселений, типы построек // Позднерубинские памятники на территории Украины. Сер. РСМ. Вып. 12. М., 2010. С. 67—92.
- Белявец В., Егарэйчанка А. Фібула з Чэрніч — рэдкі правінцыйнарымскі імпорт // МАБ. Вып. 3. Мінск, 2002. С. 250—254.
- Белявец В. Грунтовы могільнік у Трасцянічы — невядомыя вынікі раскопак Палескай экспедыцыі 1962 г. // ГАЗ. № 19. Мінск, 2004а. С. 87—114.
- Белявец В. Беларускае Заходняе Палессе ў перыяд правінцыйнарымскіх уплываў — стан і перспектывы даследавання // Wspólnota dziedzictwa kulturowego ziem Białorusi i Polski. Warszawa, 2004b. С. 227—265.
- Белевец В. Г. К изучению памятников вельбарской культуры в Беларуси // Nowe materiały i interpretacje. Stan dyskusji na temat kultury wielbarskiej. Gdańsk, 2007a. С. 293—344.
- Белявец В. Г. Насельніцтва вельбарскай культуры ў Турава-Пінскім Палессі: праблемы вывучэння // ГАЗ. № 23. Мінск, 2007б. С. 124—143
- Белявец В. Г., Вяргей В. С. Курадава-1 — шматслойнае паселішча з Цэнтральнага Палесся // МАБ. № 5. Мінск, 2002(2008). С. 5—24.
- Белявец В., Вяргей В. Матэрыялы перыяду рымскіх уплываў з паселішча Курадава-1 // ГАЗ. № 20. Мінск, 2005. С. 87—106.
- Булкин В. А. Некоторые данные об исторической географии Центральной Белоруссии // Древнерусское государство и славяне. Мн., 1983. С. 5—8.
- Булкин В. А., Герд А. С. К этноисторической географии Белоруссии // Славяне. Этногенез и этническая история. Ленинград, 1989. С. 67—75.
- Бяліцкая Г. М. Хатомель — паселішча зарубінецкай культуры ў нізоўях р. Гарынь // ГАЗ. № 9. Мінск, 1996. С. 94—118.
- Бяліцкая Г. М. Тыпалогія гаршкоў з паселішча зарубінецкай культуры Хотамель-2 // ГАЗ. № 17. Мн., 2002. С. 44—53.
- Бяліцкая Г. М. Помнік перыяду рымскіх уплываў у нізоўях р. Гарынь // ГАЗ. № 21. Мінск, 2006. С. 107—123.
- Бяліцкая Г. Тыпалогія місак з паселішча зарубінецкай культуры Хотамель 2 // Матэрыялы і даследаванні з археалогіі Прикарпаття і Волині. Вып. 11. Львів, 2007. С. 121—130.
- Бяліцкая Г. М. Аб зарубінецкім кампаненце ў левабярэжжы Прыпяці // МАБ. Вып. 20. Мінск, 2011а. С. 126—142.
- Бяліцкая Г. М. Тапаграфія і забудова паселішчаў зарубінецкай культуры ў Прыпяцкім Палессі // ГАЗ. Вып. 26. Мінск, 2011б. С. 152—169.
- Бяліцкая Г. М. Матэрыялы з жылга 5 паселішча Струга-1 // ААА. Vol. VII. Мінск, 2011в. С. 51—67.
- Вергей В. С. Изучение памятников железного века // Белорусская археология: достижения археологов за годы советской власти. Минск, 1987. С. 49—78.
- Вяргей В. С. Археалогія ранніх славян на тэрыторыі Беларусі // Wspólnota dziedzictwa kulturowego ziem Białorusi i Polski. Warszawa, 2004. S. 278—304.
- Вергей В. С. Пражская культура в Беларуси // Archeologia o początkach Słowian. Kraków, 2005. S. 487—502.
- Вергей В. С. Белорусское Полесье в римский период и в начале эпохи Великого переселения народов // Лесная и лесостепная зоны Восточной Европы в эпохи римских влияний и Великого переселения народов. Тула, 2008. С. 238—256.
- Вяргей В. С. Гарызонт жалезнага веку на паселішчы Снядзін-3 на рацэ Прыпяць // ААА. Vol. VII. Мінск, 2011. С. 34—50.
- Вяргей В. С., Трымер В. Раннеславянскае паселішча Петрыкаў-2 на р. Прыпяць // ГАЗ. № 18. Мінск, 2003. С. 151—187.
- Гавритухин И. О. Хронология пражской культуры // Труды VI Международного Конгресса славянской археологии. Т. 3: Этногенез и этнокультурные контакты славян. М., 1997. С. 39—52.
- Гавритухин И. О. Хронология пражской культуры Белорусского Полесья // ГАЗ. № 18. Мінск, 2003. С. 123—138.
- Гавритухин И. О. Комплексы пражской культуры с датирующими вещами // Archeologia o początkach Słowian. Kraków, 2005. S. 403—461.
- Гавритухин И. О. Понятие пражской культуры // Сложение русской государственности в контексте раннесредневековой истории Старого света. Сер. ТГЭ. Т. XLIX. Спб, 2009. С. 7—25.
- Гавритухин И. О., Лопатин Н. В., Обломский А. М. Новые результаты изучения раннеславянских древностей лесного Поднепровья и Верхнего Подвинья: (тезисы к концепции славянского этногенеза) // Славянский мир Полесья в древности и средневековье. Гомель, 2004. С. 39—50.
- Гороховський Е. Л. Підковоподібні фібули Середнього Пдніпров'я з виїмчастою емаллю // Археологія. № 38. Київ, 1982. С. 16—35.
- Гурин М. Ф. Археологические материалы из городища Мысли // ГАЗ. № 15. Мінск, 2000. С. 24—39.
- Дзяменцьёў В. А. Прыпяцкае Палессе // Беларуская савецкая энцыклапедыя. Мінск, 1975. Т. 8. С. 603.
- Дубицкая Н. Н. Тэхналагічныя прыёмы вытворчасці посуду на зарубінецкім паселішчы Дражня ў Верхнім Падняпроўі // Весці АН БССР. Серыя грамадскіх навук. № 2. Мінск, 1988. С. 64—70.
- Дубицкая Н. Н. Раннеславянское селище на р. Птичь // Старожытнасці Бабруйшчыны. Вып. 1. Мінск; Бабруйск, 1998а. С. 5—17.
- Дубицкая Н. Н. Раскопки селища в д. Симоновичи Глусского района Могилёвской области // Старожытнасці Бабруйшчыны Вып. 2. Мінск; Бабруйск, 1998б. С. 31—38.

- Дубицкая Н. Н. Поселение Симоновичи на р. Птичь // Славянский мир Полесья в древности. Гомель, 2004. С. 66—75.
- Дубицкая Н. Н. Полуземляночные постройки селища Тайманово // ГАЗ. № 26. Минск, 2011а. С. 84—96.
- Дубицкая Н. Н. Изучение древностей I тысячелетия н.э. в Белорусском Поднепровье // ГАЗ. № 25. Минск, 2011б. С. 239—242.
- Егорейченко А. А. Древнейшие городища Белорусского Полесья (VII—VI вв. до н. э. — II в. н. э.). Минск, 1996.
- Егарэйчанка А. А. Зарубінецкая культура // Археалогія Беларусі. Т. 2: Жалезны век і ранняе сярэднявечча. Минск, 1999а.
- Егарэйчанка А. А. Культура штрыхаванай керамікі // Археалогія Беларусі. Т. 2: Жалезны век і ранняе сярэднявечча. Минск, 1999б.
- Егорейченко А. А. Зарубинецкое селище в Давид-Городке // *Stratum plus*. № 4. 2000. С. 66—73.
- Егорейченко А. А. Белорусское Полесье в первой половине I тыс. н.э. // Славянский мир Полесья в древности и средневековье. Гомель, 2004. С. 76—81.
- Егорейченко А. А. Историческая ситуация в белорусском Полесье и прилегающих регионах в первой половине I тыс. н.э. // *Archeologia o początkach Słowian*. Kraków, 2005. S. 479—486.
- Егорейченко А. А. Культуры штрихованной керамики. Минск, 2006.
- Зайкоўскі Э. М. Новыя знаходкі бронзавых рэчаў з выемчатымі амалямі // МАБ. Вып. 20. Минск, 2011. С. 165—12.
- Залашко Г. М., Ерёмченко В. Е. Новый зарубинецкий могильник в Полесье // СА. 1984. № 2. С. 234—239.
- Ильютик А. В. Керамика городищ железного века бассейна Березины // ГАЗ. № 13. Минск, 1998а. С. 25—39.
- Ильютик А. В. Селище Дедново на Березине // *Старажытнасці Бабруйшчыны*. Вып. 1. Минск; Бабруйск, 1998б. С. 26—42.
- Ильютик А. В. Новые материалы с раскопок Дедновского поселения в Бобруйске // *Старажытнасці Бабруйшчыны*. Вып. 2. Минск; Бабруйск, 1998в. С. 49—70.
- Ильютик А. В. О датировке и культурной принадлежности ранних городищ железного века в бассейне Березины // ГАЗ. № 17. Минск, 2002. С. 35—41.
- Ильютик А. В., Лошанков М. И. Сорочи — поселение на р. Оресе // МАБ. Вып. 8. Минск, 2003. С. 127—152.
- Ильютик А. В., Поболь Л. Д. Пряслица второй четверти I тыс. н.э. с селища Абидня // МАБ. Вып. 9. Минск, 2005. С. 106—111.
- Ильютик А. В., Поболь Л. Д. Керамика Абидни // МАБ. Вып. 14. Минск, 2007. С. 18—36.
- Ильютик А. В., Поболь Л. Д. Бусы поселения Абидня // ГАЗ. № 25. Минск, 2010. С. 244—260.
- Каспарова К. В. О верхней хронологической границе зарубинецкой культуры Припятского Полесья // СА. 1976а. № 3. С. 128—140.
- Каспарова К. В. Новые материалы могильника Отвержичи и некоторые вопросы относительной хронологии зарубинецкой культуры Полесья // АСГЭ. Вып. 17. Л., 1976б. С. 35—66.
- Каспарова К. В. Поздняя фаза зарубинецких могильников // *Культура Восточной Европы I тыс.* Куйбышев, 1986. С. 5—26.
- Каспарова К. В. Зарубинецкое поселение Ремель в Белорусском Полесье // АСГЭ. Вып. 28. Л., 1987. С. 52—71.
- Каспарова К. В. Соотношение вельбарской и зарубинецкой культур в припятском Полесье // *Kultura wielbarska w młodszym okresie gzymskim*. Lublin, 1989. Т. 2. S. 263—282.
- Крывальцэвіч М. М., Мяцвявичы // Археалогія Беларусі. Т. 2. Мн., 2011. С. 113—114.
- Крэнке Н. А., Румянцева О. С. Стекланные бусы Дьякова городища // РА. 2008. № 2. С. 96—106.
- Кухаренко Ю. В. Памятники железного века на территории Полесья. Сер. САИ. Вып. Д1-29. М., 1961.
- Лебедев Г. С. К Археолого-лингвистической гипотезе славянского этногенеза // *Славяне. Этногенез и этническая история*. Ленинград, 1989. С. 105—114.
- Лопатин Н. М. Карта памятников типа Узмень-Заозерье // *Słowianie i ich sąsiedzi we wczesnym średniowieczu*. Warszawa; Lublin, 2003. S. 453—459.
- Лопатин Н. В., Фурасьев А. Г. Северные рубежи раннеславянского мира в III—V веках н.э. Сер. РСМ. Вып. 8. М., 2007.
- Лошенко М. И., Барцева Т. Б. К вопросу о бронзолитейном ремесле населения милоградской культуры // ГАЗ. № 6. Минск, 1995. С. 78—104.
- Максимов Е. В., Терпиловский Р. В. Киевская культура // *Славяне и их соседи в конце I тысячелетия до н.э. — первой половине I тысячелетия н.э.* М., 1993. С. 106—122.
- Мачинский Д. А. К вопросу о территории обитания славян в I—VI веках // АСГЭ. Вып. 17. Л., 1976. С. 82—100.
- Мачинский Д. А., Тиханова М. А. О местах обитания и направлениях движения славян I—VII вв. н.э. по письменным и археологическим источникам // *Acta Archaeologica Carpatica*. Т. 16. 1976. С. 59—94.
- Мачинский Д. А. Миграции славян в I тыс. н.э. // *Формирование раннефеодальных славянских народностей*. М., 1981. С. 31—52.
- Мачинский Д. А. Территория «Славянской прародины» в системе географического и историко-культурного членения Евразии в VIII в. до н.э. — XI в. н.э. (контуры концепции) // *Славяне: этногенез и этническая история (междисциплинарные исследования)*. Л., 1989. С. 76—105.
- Мачинский Д. А. Некоторые предпосылки, движущие силы и исторический контекст сложения русского государства в середине VII — середине XI в. // *Сложение русской государственности в контексте ранне-средневековой истории Старого света*. ТГЭ. Т. XLIX. СПб., 2009. С. 460—538.
- Медведев А. М. Посоховидные булавки // ГАЗ. № 7. Минск, 1995. С. 172—201.
- Медведев А. М. Белорусское Понеманье в раннем железном веке (I тыс. до н.э. — 5 в. н.э.). Минск, 1996.
- Медведев А. М. Материалы так называемой «познезарубинецкой культуры» в Белорусском Понеманье // *Ceramika zachodniebałtyjska: nowe źródła i interpretacje*. Białystok, 2004. S. 115—121.

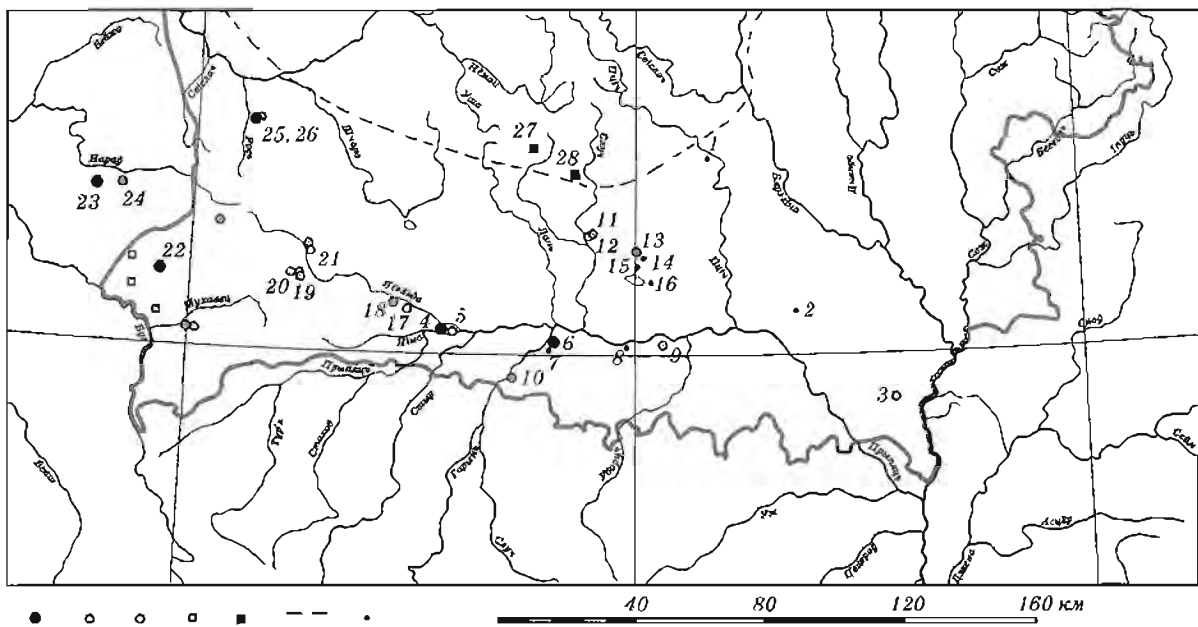
- Медведев А. М. Верхнее Понеманье в железном веке и раннем средневековье. Минск, 2011.
- Мядзведзеў А. М. Кіеўская культура // *Археалогія Беларусі*. Т. 2: Жалезны век і раньняе сярэднявечча. Мінск, 1999. С. 290—298.
- Митрофанов А. Г. Железный век средней Белоруссии. Минск, 1978.
- Обломский А. М. Верхнеднепровский вариант зарубинецкой культуры: автореф. дис. ... канд. ист. наук. М., 1983.
- Обломский А. М. Этнические процессы на водоразделе Днепра и Дона в I—V вв. н.э. Москва; Сумы, 1991.
- Обломский А. М. Позднезарубинецкие памятники // *Славяне и их соседи в конце I тысячелетия до н.э. — первой половине I тысячелетия н.э.* Москва, 1993. С. 40—52.
- Обломский А. М. О характере миграций населения центральной и южной Беларуси в лесостепь в римское время // *ГАЗ*. № 10. Мінск, 1996. С. 26—32.
- Обломский А. М. Новая концепция киевской культуры Верхнего Поднепровья // *Archeologia o rozciągach Słowian*. Kraków, 2005. S. 137—156.
- Обломский А. М. Введение // *Позднезарубинецкие памятники на территории Украины*. РСМ. Вып. 12. М., 2010а. С. 5—7.
- Обломский А. М. Памятники типа Марьяновки бассейна Южного Буга // *Позднезарубинецкие памятники на территории Украины*. Сер. РСМ. Вып. 12. М., 2010б. С. 16—35.
- Обломский А. М., Терпиловский Р. В., Петраускас О. В. Распад зарубинецкой культуры и его социально-экологические и идеологические причины (препринт). Киев, 1990.
- Обломский А. М., Терпиловский Р. В. Среднее Поднепровье и Днепровское Левобережье в первые века нашей эры. М., 1991.
- Поболь Л. Д. Поздний этап зарубинецкой культуры // *Очерки по археологии Белоруссии*. Минск, 1970.
- Поболь Л. Д. Славянские древности Белоруссии: свод археологических памятников раннего этапа зарубинецкой культуры — с середины III в. до н.э. по начало II в. н.э. Минск, 1974.
- Поболь Л. Д. Археологические памятники Белоруссии: железный век. Минск, 1983.
- Поболь Л. Д., Дубицкая Н. Н., Пилипцевич В. В. Могильник у деревни Тайманово // *МАБ*. Вып. 8. Минск, 2003. С. 28—50.
- Поболь Л. Д., Дубицкая Н. Н. Полуземляночные постройки на поселении Тайманово (по материалам построек № 5, 6, 7, 8, 9, 10, 11, 12) // *МАБ*. Вып. 27. Минск, 2009. С. 38—51.
- Поболь Л. Д., Ильютик А. В. Жилища второй четверти I тыс. н.э. из поселения Абидня (по материалам раскопок 1960 г.) // *МАБ*. Вып. 3. Минск, 2001. С. 102—153.
- Поболь Л. Д., Ильютик А. В. Жилища второй четверти I тыс. н.э. из поселения Абидня (по материалам раскопок 1962, 1965, 1966 гг.) // *МАБ*. Вып. 5. Минск, 2002а. С. 124—142.
- Поболь Л. Д., Ильютик А. В. Поселение Абидня: Постройки 1, 2, 4, 5. Сер. Раннеславянский мир. Вып. 4. Москва, 2002б. С. 54—74.
- Поболь Л. Д., Ильютик А. В. Могильник Абидня в Верхнем Поднепровье // *МАБ*. Вып. 8. Мінск, 2003. С. 61—70.
- Радюш О. А. Предметы вооружения и кавалерийского снаряжения зарубинецкой культуры // *ВА*. Вып. 2. М., 2011. С. 6—31.
- Радюш О. А., Скворцов К. Н. Находки деталей щитов в ареале самбийско-нотангийской культуры // *Germania-Sarmatia*. Калининград, 2008. С. 122—157.
- Рассадин С. Е. «Samo serce słowianszczyzny» или сюрпризы так называемой славянской прародины // *МАБ*. Вып. 9. Мінск, 2005. С. 5—7.
- Рассадин С. Е. Первые славяне. Мн., 2008.
- Румянцева О. С. Хронология и периодизация стеклянных бус могильника Кораблино // *Городцовские чтения*. Т. II. Труды ГИМ. Вып. 45. Москва, 2005. С. 268—282.
- Смирнов К. А. Вещевой комплекс дьяковских городищ // *Дьяковская культура*. Москва, 1974. С. 28—76.
- Терпиловский Р. В. Ранние славяне Подесенья III—V вв. Киев, 1984.
- Терпиловский Р. В. Славяне Поднепровья в первой половине I тысячелетия н.э. Сер. *Monumenta Studia Gothica*. Т. III. Lublin, 2004.
- Терпиловский Р. В. Историография древностей позднезарубинецкого периода // *Позднезарубинецкие памятники на территории Украины*. Сер. РСМ. Вып. 12. М., 2010. С. 8—15.
- Терпиловский Р. В., Абашина Н. С. Памятники киевской культуры (свод археологических источников). Киев, 1992.
- Фурасев А. Г. О роли миграции в этногенезе славян // *Сложение русской государственности в контексте раннесредневековой истории Старого света*. Сер. ТГЭ. Т. XLIX. СПб., 2009. С. 26—38.
- Щукин М. Б. Археологические данные о славянах II—IV вв. Перспективы ретроспективного метода // *АСГЭ*. Вып. 17. Л., 1976. С. 67—81.
- Щукин М. Б. Горизонт Рахны—Почеп: причины и условия образования // *Культуры восточной Европы I тысячелетия*. Куйбышев, 1986. С. 26—38.
- Щукин М. Б. О трёх путях археологического поиска ранних славян. Перспективы третьего пути // *АСГЭ*. Вып. 28. Л., 1987. С. 103—118.
- Щукин М. Б. Керамика Киевского типа с поселения Лепесовка // *СА*. 1988. № 3. С. 207—214.
- Щукин М. Б. Семь миров древней Европы и проблема славянского этногенеза // *Славяне. Этногенез и этническая история*. Ленинград, 1989. С. 56—61.
- Щукин М. Б. Поселение Лепесовка: вельбарк или черняхов? // *Kultura wielbarska w młodszym okresie rzymskim*. Lublin, 1989. T II. S. 195—215.
- Щукин М. Б. На рубеже эр. СПб., 1994.
- Щукин М. Б. Рождение славян // *Stratum: структуры и катастрофы*. Кишинёв, 1997. С. 110—147.
- Щукин М. Б. Готский путь: готы, Рим и черняховская культура. СПб., 2005.
- Щукин М. Б. Реплика по поводу киевской культуры // *Сложение русской государственности в контексте раннесредневековой истории Старого света*. СПб., 2009. С. 546—551.

- Almgren O. Studien über nordeuropäischen Fibelformen der ersten nachchristlichen Jahrhunderte mit Berücksichtigung der provinzialrömischen und südrussischen Formen. Leipzig, 1923.
- Andrzejowski J. Powiązania kultur przeworskiej i wielbarskiej w świetle znalezisk brzolet // *Kultura przeworska*. Tom I. Lublin, 1994. S. 317—342.
- Andrzejowski J. Ciekawe materiały z okresu rzymskiego znalezione w Czuprynowie w woj. Białostockim // *Nunc de suebis disendum est: studia dedukowane profesorowi Jeżemu Kolendo w 60-lecie urodzin i 40-lecie pracy naukowej*. Warszawa, 1995. S. 35—46.
- Andrzejowski J. Hryniowicze Wielkie — cmentarzysko z pogranicza dwóch światów // *Comhlan: studia z archeologii okresu przedrzymskiego i rzymskiego w Europie Środkowej dedykowane T. Dąbrowskiej w 65 rocznicę urodzin*. Warszawa, 1999. S. 17—60.
- Andrzejowski J. Wschodnia strefa kultury przeworskiej — próba defenicji // *WA. T. LIV*. Warszawa, 2001. S. 59—87.
- Andrzejowski J. Wykaz stanowisk z okresu rzymskiego // *Zabytki z okresu wpływów rzymskich, średniowiecza i czasów nowożytnych z Białorusi w zbiorach Państwowego Muzeum Archeologicznego w Warszawie*. Warszawa, 2005. S. 17—31.
- Beljavec V. Środkowolateński grób z płaskiego cmentarzyska w Radości Kamienieckiej w Zachobniej Białorusi // *WA. T. (Vol.) LV*, Warszawa, 1999—2001. S. 47—54.
- Beljavec V. Die römischen Importe des südlichen Weissrusland. Eine Untersuchung vor dem Hintergrund der kulturellen Entwicklungen des 1—4 Jahrhunderts // *JRGZM. Bd. 56*. Mainz, 2009. S. 1—29.
- Corpus der römischen Funden im Europäischen Barbaricum. Litauen. Bearbeitet von M. Michelbertas. Vilnius, 2001.
- Dąbrowska T. Wschodnia granica kultury przeworskiej w późnym okresie lateńskim i wczesnym okresie rzymskim // *MSW. T. II*. Warszawa, 1973. S. 127—248.
- Dąbrowska T. Materiały kultury zarubinieckiej z ziem polskich // *Wspólnota dziedzictwa kulturowego ziem Białorusi i Polski*. Warszawa, 2004. S. 209—226.
- Olczak H. Ceramika kreskowana na obszarze dorzecza górnej Narwi. Materiały z badań Instytutu Archeologii i Etnologii PAN (Warszawa) nad osadnictwem wczesnej epoki żelaza i okresu wpływów rzymskich w latach 1990—2005 // *Ceramika bałtyjska. Nradycje i wpływy*. Białystok, 2009. S. 249—280.
- Godłowski K. Strefy kulturowe w okresie rzymskim w Europie Środkowej // *ZNUJ. Prace Archeologiczne. Z. 22*. 1976. S. 13—38.
- Godłowski K. Z badań nad zagadnieniem ropowszechnienia słowian w V—VII w.n.e. Kraków, 1979.
- Godłowski K. Przemiany kulturowe i osadnicze w Południowej i Środkowej Polsce w młodszym okresie przedrzymskim i w okresie wpływów rzymskich // *PKA. № 23*. 1985. S. 1—213.
- Godłowski K. Spór o słowian // *Narodziny średniowiecznej Europy*. Warszawa, 1999. S. 52—85.
- Hauptmann T. Studien zu den Dreisprossenfibeln // *100 Jahre Fibelformen nach Oskar Almgren. Cep. Forschungen zur Archäologie im Land Brandenburg. Bd. 5*. Wünsdorf, 1998. S. 159—173.
- Kaczanowski P. Klasyfikacja grotów broni drzewcowej kultury przeworskiej z okresu rzymskiego. Kraków, 1995.
- Karczewska M. Ceramika o powierzchni kreskowanej z międzyrzecza Biebrzy i Narwi // *Ceramika bałtyjska. Nradycje i wpływy*. Białystok, 2009. S. 231—248.
- Krasnodębski D., Olczak H. Osada z ceramiką sztrychowaną z późnego okresu lateńskiego i wczesnego okresu wpływów rzymskich z miejscowości Suraz, st. 37 // *Badania archeologiczne w Polsce Północno-Wschodniej i na Zachodniej Białorusi w latach 2000-2001*. Białystok, 2002. S. 215—224.
- Kunow J. Die Hauptserie der Augenfibel: Gruppe III, Fig. 45—54 // *100 Jahre Fibelformen nach Oskar Almgren. Cep. Forschungen zur Archäologie im Land Brandenburg. Bd. 5*. Wünsdorf, 1998. S. 93—118.
- Lund-Hansen U. Römische import im Norden. København, 1987.
- Lund-Hansen U. Perlen und Perlenmode — Perlen als sozialer und familiärer Indikator // *Terra Barbarica. Studia ofiarowane Magdalenie Maczyńskiej w 65. rocznicę urodzin*. Łódź; Warszawa, 2010. S. 87—95.
- Machajewski H. Die Fibeln der Gruppe V, serie 8, im östlichen Teil Mitteleuropas // *100 Jahre Fibelformen nach Oskar Almgren / Cep. Forschungen zur Archäologie im Land Brandenburg*. Wünsdorf, 1998. T. 5. S. 187—196.
- Madyda-Legutko R. Die Gürtelschalen der Römischen Kaiserzeit und der frühen Völkerwanderungszeit im mitteleuropäischen Barbaricum. BAR. International Series. № 360. Oxford, 1986.
- Mączyńska M. Der frühvölkerwanderungszeitliche Hortfund aus Łubiana, Kreis Kościerzyna (Pommern). BRGK. Bd. 90. Mainz, 2009.
- Michelbertas M. Senasis geležies amžius Lietuvoje (I—IV a.). Vilnius, 1986.
- Pietrzak M. Pruszcz Gdański-10. Ein Gräberfeld der Oksywie- und Wielbark-Kultur in Ostpommern. Kraków, 1997.
- Rusin K. Wstępne wyniki badań dwóch kurhanów z późnego okresu rzymskiego w Grohach Starych, gm. Poświętne, woj. białostockie // *20 lat archeologii w Masłomęczu*. T. I. Lublin, 1998a. S. 189—209.
- Rusin K. Ślady osadnictwa kultury ceramiki kreskowanej na stanowisku I w Grohach Starych, woj. białostockie (w oparciu o materiał ceramiczny) // *Ceramika zachodniobałtyjska od wczesnej epoki żelaza do początku ery nowożytnej*. Białystok, 1998b. S. 215—224.
- Skorupka T. Kowalewko 12. Cmentarzysko brytualne ludności kultury wielbarskiej. Archeologiczne badania ratownicze wzdłuż gazociągu tranzytowego. T. III. Cz. 3. Poznań, 2001.
- Tempelmann-Mączyńska M. Die Perlen der römischen Kaiserzeit und der frühen Völkerwanderungszeit im mitteleuropäischen Barbaricum. Cep. Römisch-Germanische Forschungen. Bd. 43. Mainz am Rhein, 1986.
- Wołagiewicz R. Kultury wielbarska i oksywska // *Prahistoria ziem polskich. T. 5: Późny okres lateński i okres rzymski*. Wrocław, 1981. S. 135—178.
- Wołagiewicz R. Ceramika kultury Wielbarskiej między Bałtykiem a Morzem Czarnym. Szczecin, 1993.

Карта 1. Культурная ситуация на территории Белоруссии и прилегающих регионов около рубежа эр.
 КПШК — культура поздней штрихованной керамики; ЗК — зарубинецкая культура; ДДК — днепро-двинская культура; ПК — пшеворская культура; БК — богачевская культура; ● — памятники со штрихованной керамикой.
 По: Olczak, 2008; Karczewska, 2008; Медведев, 2011, с дополнениями

Карта 2. Культурная ситуация на территории юга Белоруссии и в прилегающих регионах в постзарубинецкий период, а также пункты, упоминаемые в статье.

● — памятники поздnezарубинецкого круга; ○ — памятники с находками фрагментов сосудов украшенных расчёсами ○ — места обнаружения вещей раннеримского времени; □ — памятники пшеворской культуры; ■ — городища КПШК; - - - южная граница распространения городищ КПШК; * — другие памятники и местонахождения, упоминающиеся в статье.

- 1 — Симоновичи; 2 — Козловичи; 3 — Лиски; 4 — Курадово; 5 — Площево; 6 — Давыд-Городок-2; 7 — Отвержичи; 8 — Черничи; 9 — Снядин-3; 10 — Викоровичи; 11 — Метявичи; 12 — Зажевичи; 13 — Любань; 14 — Сорочи; 15 — Старые Юрковичи; 16 — Озерное; 17 — Мерчицы; 18 — Мотоль-20; 19 — Сигневичи; 20 — Ревятичи; 21 — Заречье; 22 — Радость; 23 — Гриневичи Вельке; 24 — Кугова; 25, 26 — Красносельск; 27 — Мысли; 28 — Ивань

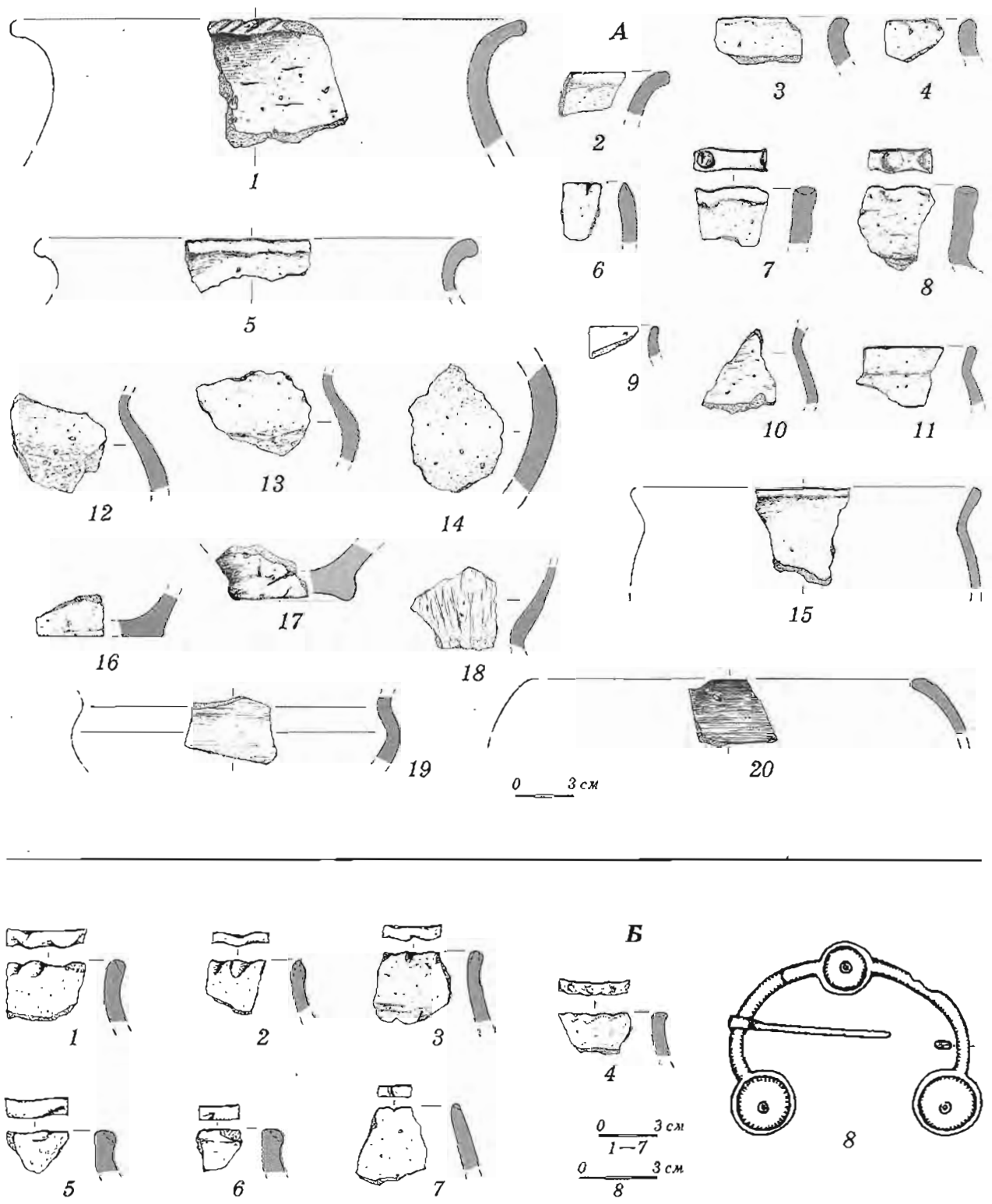

Рис. 1.

А. Фрагменты глиняной посуды с селища Козловичи.

Б. Находки с городища Лиски.

1-7 — фрагменты глиняной посуды; 8 — фибула из сплава меди. (По: Лошенко, Барцева, 1995)

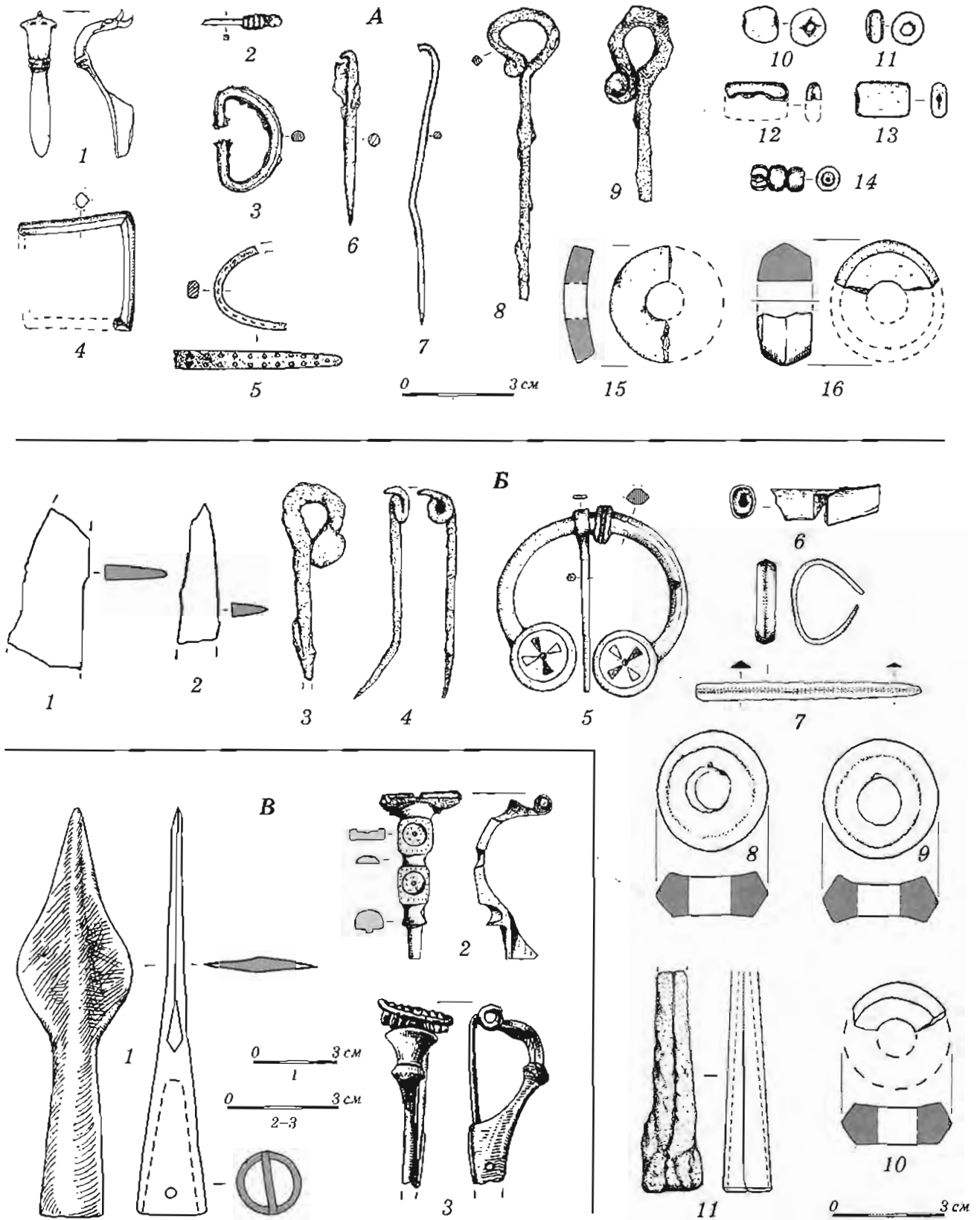

Рис. 2. Вещи раннеримского времени с памятников Турово — Пинского Полесья.

А — с селища Курадово-1, Б — с селища Давыд-Городок-2, В1 — с могильника в Давыд-Городке, В2 — находка из Чернич, ВЗ — с могильника Отвержичи.

А: 1, 3–5, 7, Б: 7, В: 2, 3 — сплав меди; А: 2, Б: 6 — сплав меди и железо; Б: 5 — сплав меди и эмали; А: 6, 8, 9, Б: 1–4, 11, З: 1 — железо; А: 10–13 — стекло; А: 14 — стекло и серебряная фольга; А: 15, 16, Б: 8–10 — глина.

Б: 1, 2, 8–10, В: 1 — рис. А. Н. Белицкой; В: 3 — по: Кухаренко, 1961

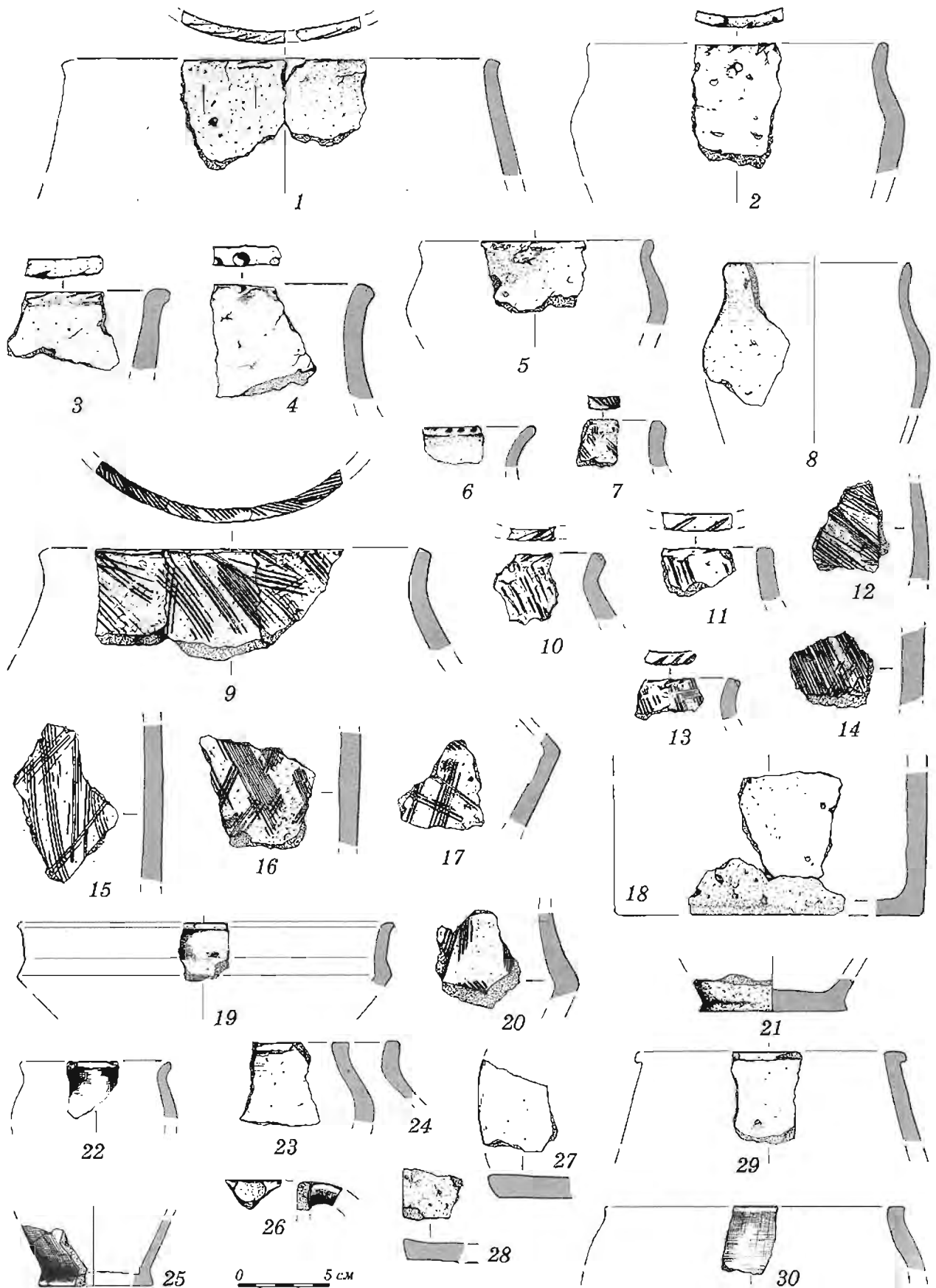

Рис. 3. Фрагменты глиняной посуды с селища Курадово-1

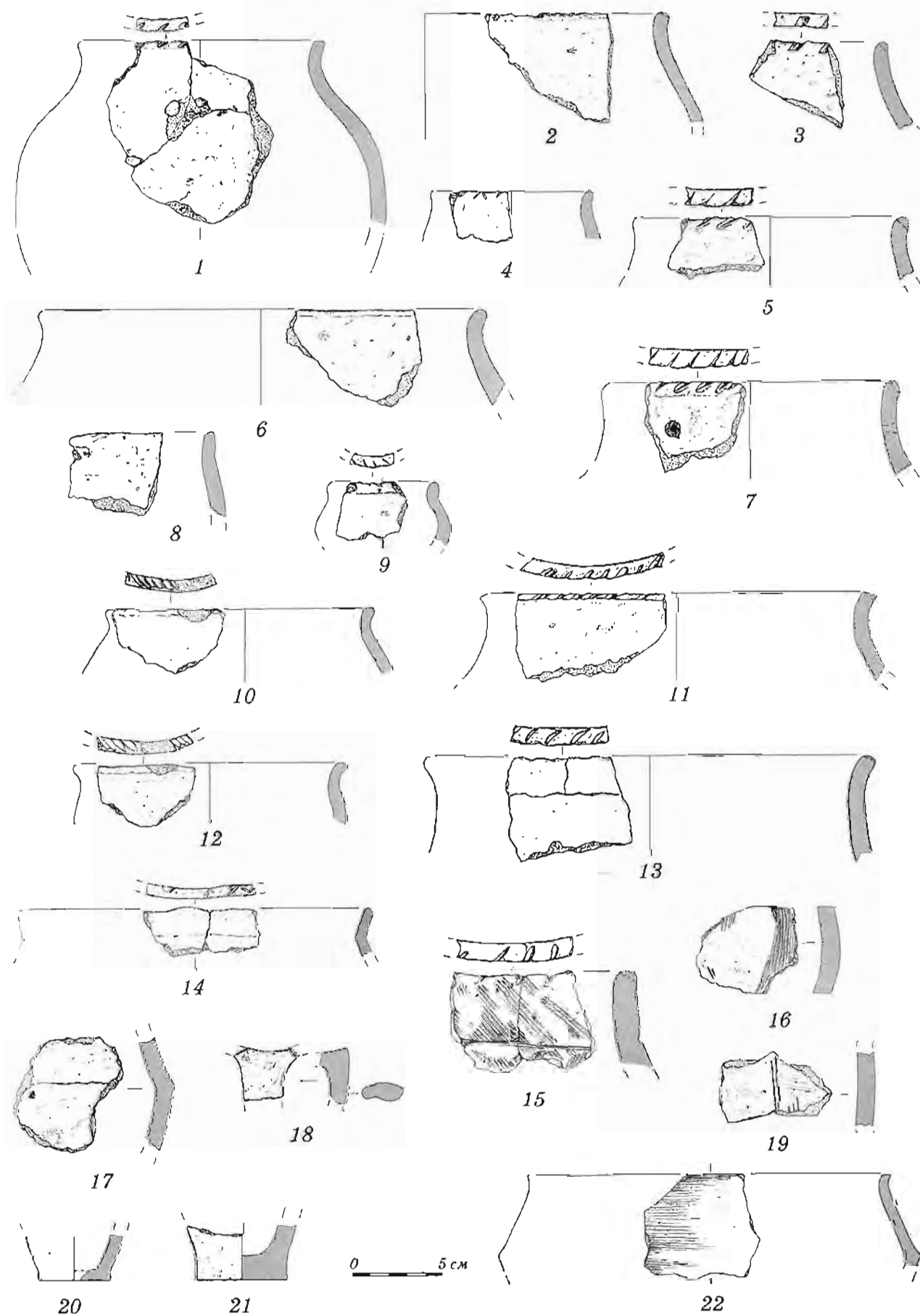

Рис. 4. Фрагменты глиняной посуды с селища Давыд-Городок-2.
По: Бялицкая, 2006

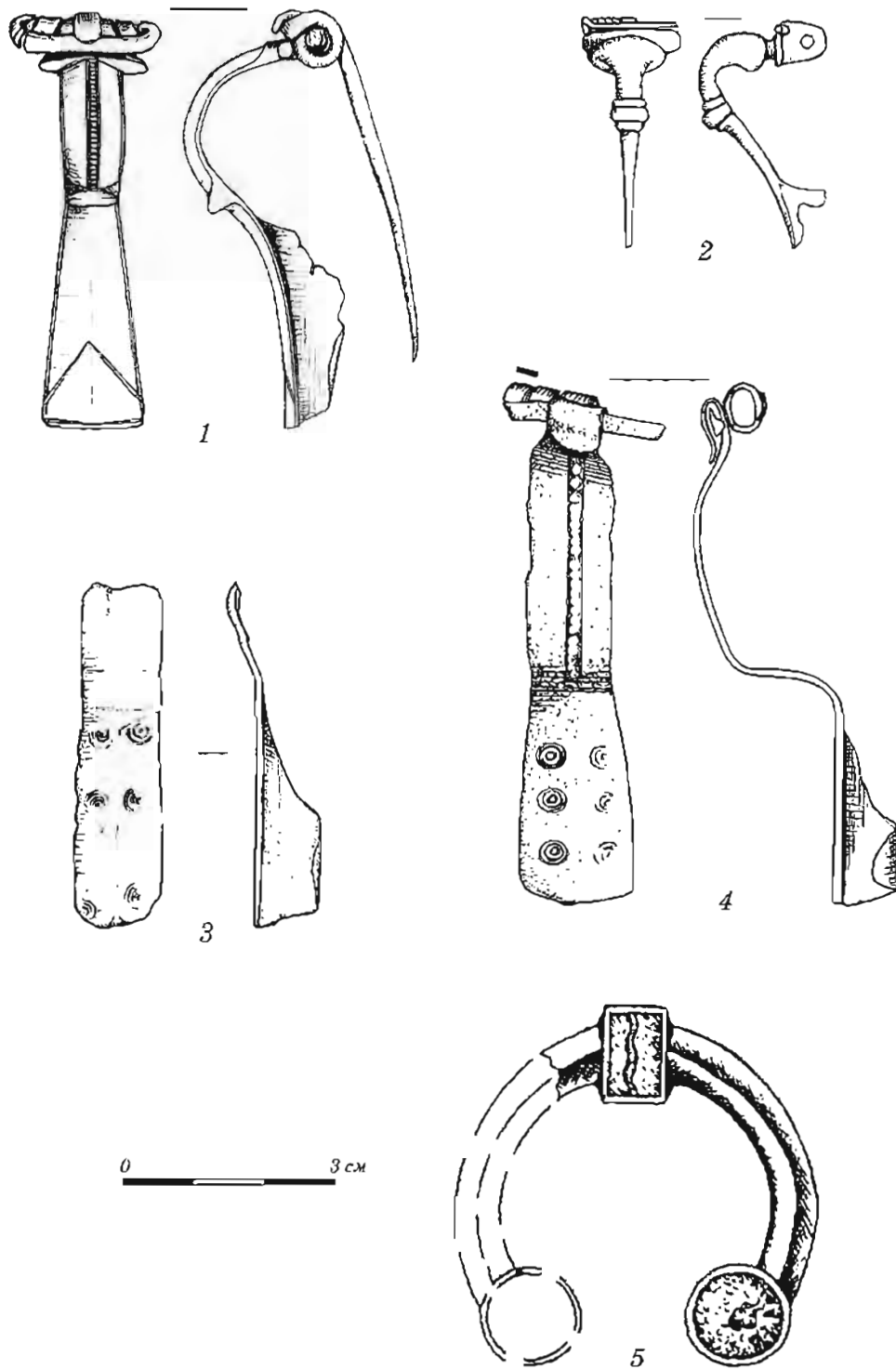

Рис. 5. Фибулы раннеримского времени с левобережья Припяти.

1, 2 — Площево; 3 — Мерчицы; 4 — Метявичи; 5 — Сигневичи.

1-4 — сплав меди; 5 — медный сплав и эмаль.

5 — по: Зайкоўскі, 2011

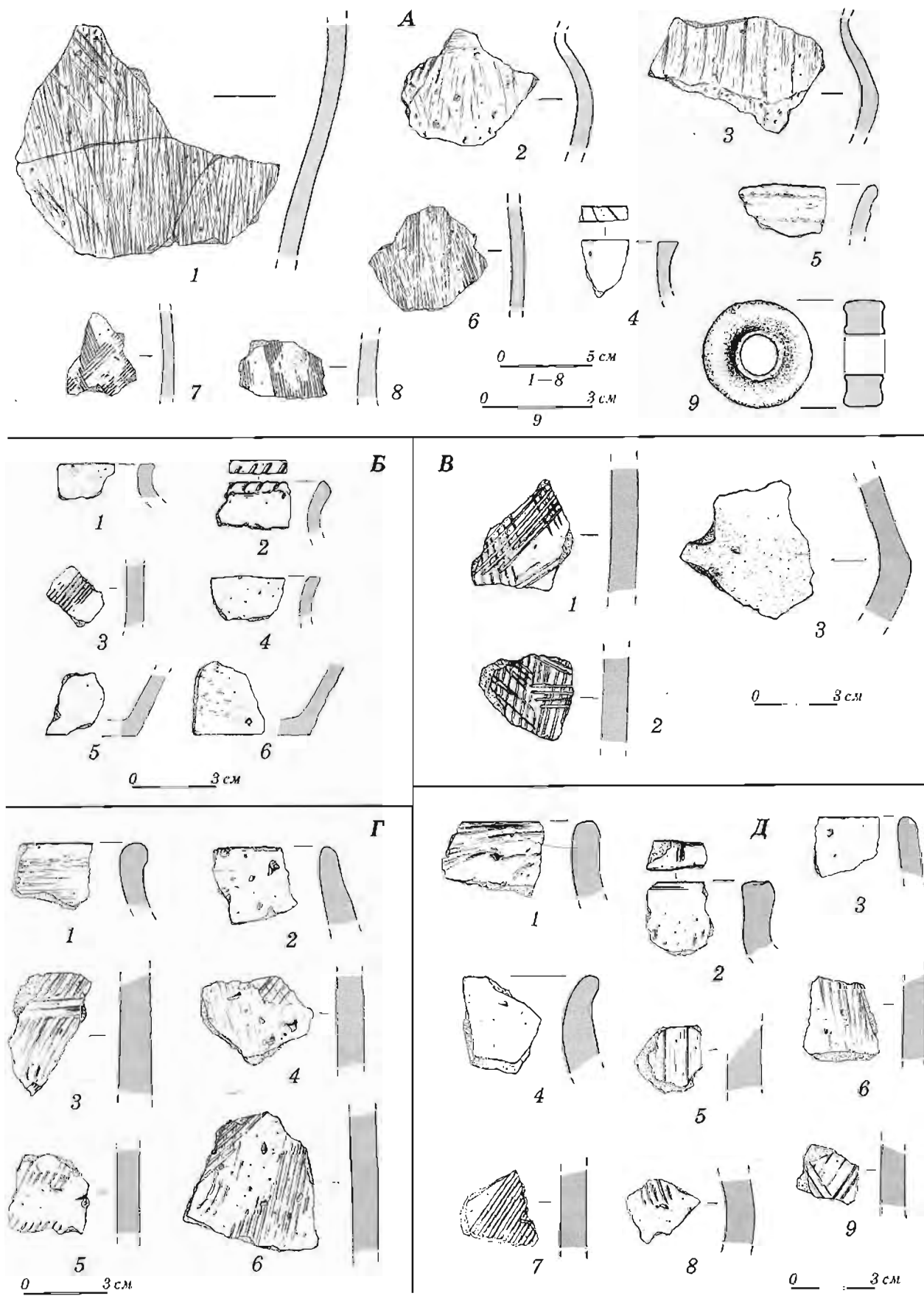

Рис. 6. Находки на памятниках Центрального Полесья.

А — Любань; Б — Зажевичи; В — Викаровичи; Г — Ревятичи; Д — Сигневичи. Всё — глина

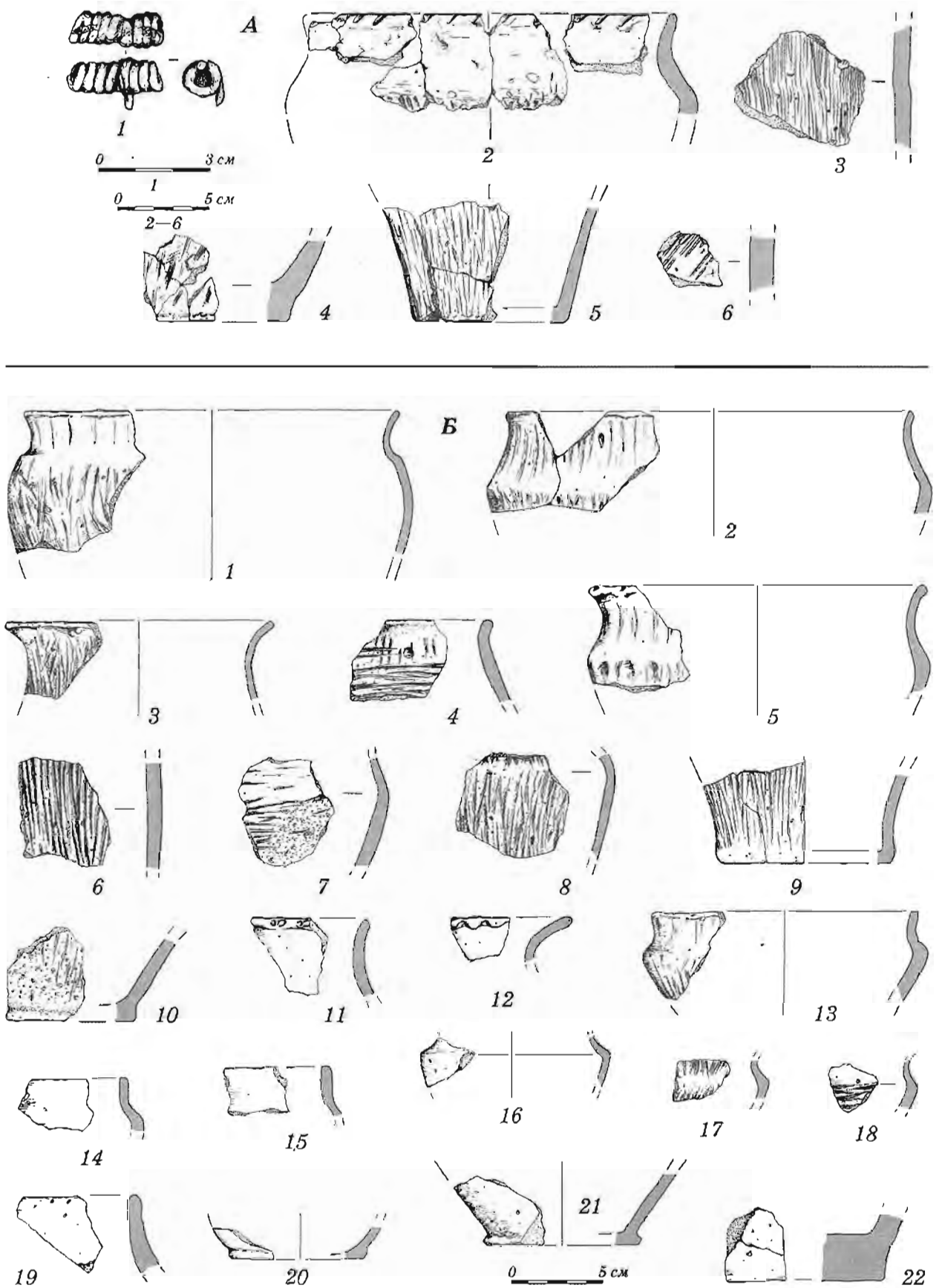

Рис. 7. Находки на памятниках Центрального Полесья.
 А — Мотоль-20; Б — Озерное. А: 1 — железо, остальное — глина

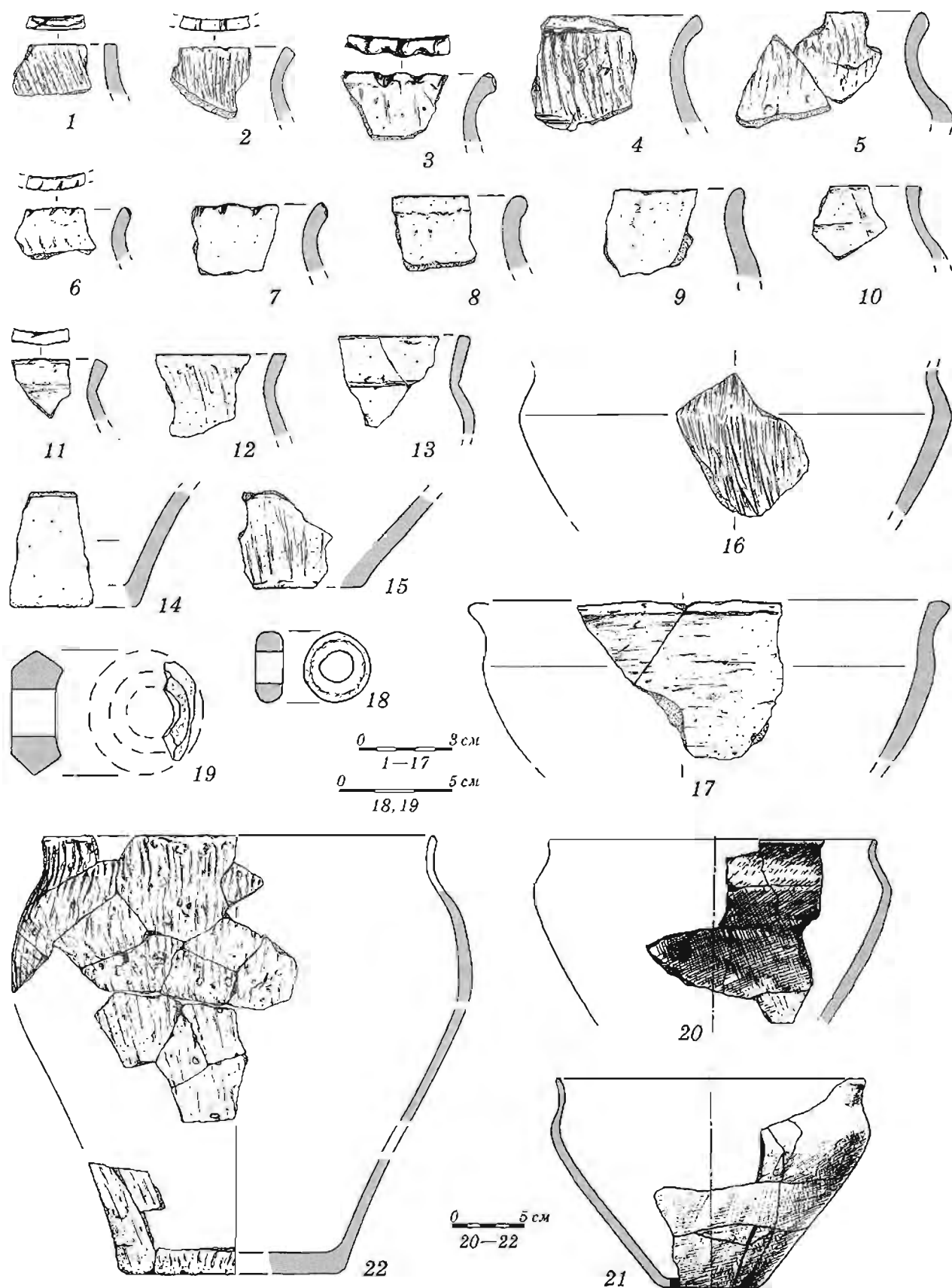

Рис. 8. Находки на селище Старые Юрковичи.

1-19 — из культурного слоя; 20-21 — из каменного очага. Всё — глина.

Рисунки: 18, 19 — А. Н. Бєлицкой, 21, 22 — Н. Н. Кривальцевича (по: Бєлицкая, 2011а)